

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука *2016*

POLITICAL SCIENCE (RU)

СПЕЦВЫПУСК

Москва
2016

Журнал «Политическая наука»

Коллектив авторов

**Политическая наука.
2016. Спецвыпуск**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 32
ББК 66.0

Коллектив авторов

Политическая наука. 2016. Спецвыпуск / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Политическая наука»)

В выпуске представлены работы ученых факультета политологии МГУ, выполненные в различных научных жанрах и охватывающие самый широкий круг тем и направлений политической науки. Работы размещены в соответствии с основными и традиционными тематическими рубриками журнала.

УДК 32
ББК 66.0

Содержание

Представляем номер	5
Состояние дисциплины: Исторические условия и профессионализация политической науки	7
О союзе статистики, права и морали, или Дисциплинарное поле «нравственных и политических наук» а первой половине XIX века	7
Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР	15
Религия и политика: От секуляризации к новым теоретическим координатам исследования	27
К вопросу о профессионализации деятельности в сфере политики: Российская практика	37
Ракурс: Политика на международном и внутригосударственном уровнях	45
Форматы регулирования насилия в международных отношениях	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Политическая наука. Спецвыпуск. 2016

Представляем номер

Специальный выпуск журнала представляет статьи ученых факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Традиции изучения политики в Московском университете имеют богатую историю. Среди первых десяти кафедр, созданных в 1755 г. по предложению М.В. Ломоносова, была кафедра политики.

Уже в первой половине XIX в. в университете работал факультет нравственных и политических наук, дававший образование в области политики, дипломатии, политической экономики. Современная политология стала преподаваться в МГУ с 1989 г. сначала в рамках фило-софского факультета, а с 2009 г. – на факультете политологии.

На факультете политологии МГУ ведется подготовка специалистов различного профиля – от исследователей политики до PR- и GR-менеджеров, журналистов, политиков, дипломатов, политтехнологов и др. Столь разнообразное образование обеспечивают семь кафедр и четыре лаборатории, нацеленные на высокое качество обучения и формирование научно-исследовательских компетенций.

Широчайший спектр направлений и тематики исследований не позволяет, разумеется, представить в настоящем выпуске все многообразие научных изысканий, выполняемых в подразделениях факультета. Мы выбрали из них лишь небольшую часть, позволяющую, на наш взгляд, создать некоторое представление о научной деятельности на факультете в области политической науки. При этом мы постарались отобрать статьи, отражающие, по возможности, разнообразие исследовательской тематики, методов и жанров. В то же время мы включили их в традиционные рубрики журнала, хорошо известные нашим читателям.

В рубрике «Состояние дисциплины», по традиции открывающей выпуск, предлагаются четыре статьи, затрагивающие исторические условия и профессионализацию политической науки в России. Ю.Д. Артамонова и А.Л. Демчук подготовили статью о дисциплинарном поле «политических и нравственных наук» в первой половине XIX в., В.А. Соболев и А.А. Ширинянец анализируют роль Ф.М. Бурлацкого в становлении политической науки в СССР, М.М. Мчедлова и М.С. Кудряшова рассматривают влияние на политические исследования меняющегося статуса роли религии в обществе, а О.В. Столетов и И.А. Чихарев освещают современную дискуссию о профессионализации деятельности в сфере политики.

В рубрику «Ракурсы» помещены три статьи, рассматривающие государственную политику как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Международный уровень представляют статьи В.М. Капицина о форматах регулирования насилия в международных отношениях и Ф.О. Трунова об основах применения вооруженных сил современной ФРГ. А внутригосударственный уровень – статья М.В. Вилисова о проектном подходе в современной российской государственной политике.

В рубрике «Представляем научный центр» размещены работы преподавателей и сотрудников кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Научная деятельность этого коллектива, возглавляемого известной российской исследовательницей Е.Б. Шестопал, вызывает повышенный интерес коллег и уже освещалась на страницах нашего журнала. На этот раз мы представляем новые и наиболее актуальные материалы данного научного центра, подготовленные в том числе при участии молодых и начинающих исследователей. Среди четырех статей рубрики три написаны по результатам эмпирических исследований, проведенных учеными кафедры. Коллективная работа Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверева,

С.В. Нестеровой и Н.В. Смутькиной посвящена анализу массового сознания после выборов в Государственную думу 2016 г. А.В. Селезнева представляет итоги лонгитюдного исследования динамики ценностных изменений элиты и масс в постсоветский период. Статья молодой китайской исследовательницы Б. Ван, написанная в соавторстве с Н.Б. Боковой, вызывает особый интерес, так как в ней представлены результаты эмпирического исследования массового политического сознания в современном Китае. В четвертой статье рубрики И.С. Палитай рассматривает особенности методологии политико-психологического анализа массового политического сознания.

Рубрика «Контекст» на этот раз посвящена сложному и противоречивому контексту современной российской политики. Здесь публикуются статьи достаточно известных отечественных исследователей, выступающих с различных позиций. И.И. Глебова размышляет об исторических и культурных аспектах «посткрымской» политики, а И.И. Кузнецов пытается оценить влияние внешних факторов на трансформацию форм правления в постсоветской России.

Завершает выпуск также традиционная рубрика журнала «Идеи практика». В ней размещены две статьи. В одной из них известный общественный деятель и профессор факультета политологии МГУ В.И. Якунин размышляет о тенденциях технократизма в политической мысли прошлого и настоящего, а в другой – молодые авторы И.А. Бронников и Н.В. Блинова достаточно подробно рассматривают технологии управления рисками в государственной политике.

Конечно, статьи выпуска далеко не исчерпывают тематическое, методологическое, жанровое многообразие научных исследований на факультете политологии МГУ. Тем не менее мы надеемся, что они вызовут интерес читателей и позволят им получить представление о научной деятельности ученых факультета.

*Авдонин В.С.,
Демчук А.Л.*

Состояние дисциплины: Исторические условия и профессионализация политической науки

О союзе статистики, права и морали, или Дисциплинарное поле «нравственных и политических наук» а первой половине XIX века

*Ю.Д. Артамонова, А.Л. Демчук*¹

Аннотация. Вокруг понятия «нравственно-политические науки» и состава дисциплин в рамках данных наук ведутся активные дискуссии. В статье представлены основные точки зрения исследователей; обращение к истории понятий «моральные» («нравственно-политические») и «социальные» науки позволяет показать частичную несостоятельность предложенных сторонниками данных точек зрения интерпретаций. Показывается, что традиция классического образования транслирует сформулированную еще Аристотелем идею фронесиса как ключевую в определении политических дисциплин; формирующиеся на ее основе в рамках Просвещения идеи естественного права и политической экономии являются ключевыми при определении состава дисциплин в рамках «нравственно-политических» (моральных) наук.

Ключевые слова: нравственно-политические (моральные) науки; социальные науки; фронесис; естественное право; здравый смысл; политическая экономия.

Yu.D. Artamonova, A.L. Demchuk

On the alliance of statistics, law and ethics, or a disciplinary field of «moral and political science» of the first half of the 19th century

Abstract. Active discussions revolve around the notion (concept) «moral-political science» and the subjects (fields) that form the content of this science. The article presents the main standpoints within the framework of those discussions; going to the history of the notions (concepts) «moral» («moral-political») and «social» science allows to demonstrate partial invalidity of interpretations offered by the adherents of those standpoints. It demonstrates that the tradition of classical education conveys the idea of phronesis formulated way back by Aristotle as a key idea in defining political disciplines; the ideas of a natural law and of political economy formulated on its basis during the Enlightenment are the key to defining the subject content of «moral-political» (ethical) science.

Keywords: moral-political (ethical) science; social science; phronesis; natural law; common sense; political economy.

¹ **Артамонова Юлия Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: juliaartamonova@yahoo.com; **Демчук Артур Леонович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: arthur@leadnet.ru **Artamonova Yulia**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: juliaartamonova@yahoo.com; **Demchuk Artur**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: arthur@leadnet.ru

Сочетание «нравственные и политические науки» стало устоявшимся к XIX в.; постепенно определялся и состав дисциплин в рамках «нравственных и политических наук». Согласно уставу Московского университета 1804 г., на отделении нравственных и политических наук преподавали профессора богословия догматического и нравоучительного; толкования Священного Писания и церковной истории; умозрительной и практической философии; прав: естественного, политического и народного; гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи; прав знатнейших как древних, так и нынешних народов; дипломатики и политической экономии [Университетский устав (5 ноября 1804 г.)]. В 1816 г. в Санкт-Петербурге планировалось издавать журнал «Архив политических наук и российской словесности». Редакция планировала освещать в журнале и следующие предметы: общая политика, или наука образования и управления государств; политическая экономия, или наука государственного хозяйства; финансы; правоведение, а также связанные с науками политическими – история, статистика и философия [Тургенев, 2008, с. 183]. Похожий набор предметов изучения имеет в виду и Ф. Гизо, хлопоча о восстановлении Французской академии моральных и политических наук, распущенной в 1803 г. (попытка оказалась успешной, и в 1832 г. Французская академия моральных и политических наук была восстановлена). Он предполагает пять секций в составе этой Академии: нравственная философия; законодательство, публичное право и юриспруденция; политическая экономия и статистика; всеобщая история (*philosophie, morale, législation, droit public et jurisprudence, économie politique et statistique, histoire générale et philosophique*) [см. подробнее: Rosanvallon, 1985].

Не менее интересна позиция, представленная Дж.Ст. Миллем в труде «Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». В составе «моральных (нравственных) наук» – два блока. Первый – «наука о человеческой природе» (термин Д. Юма), основанная на ней «наука об образовании характера» (*the science of the formation of character*), причем «наука о национальном характере» – ее частный вид, и второй блок – «наука об обществе» (*the science of society*), или «социальная наука» (*the social science*), распадающаяся на «социальную статику» и «социальную динамику» [см.: Милль, 2011].

Вокруг союза «и» в сочетании «нравственные и политические науки» и состава дисциплин до сих пор ведутся дискуссии. Они связаны в первую очередь с вопросом о научности и ангажированности политических наук. Наиболее распространены две точки зрения. Одни исследователи, над которыми довлеет раннепозитивистская схема движения от метафизического к научному знанию, предложенная О. Контом, полагают, что «в XVIII – начале XIX в. собственно политика, политическая экономия, статистика (политическая арифметика), естественное право, учения об обществе, государстве, о государственных финансах часто объединялись под одним названием – “политические науки”. Это и понятно, так как в этом процессе важна была не столько их дифференциация, сколько обособление от других областей знания, и прежде всего от философии, юридических наук, истории» [см., например: Сморгунов, 2009, с. 6].

Вторая точка зрения противоположна: «Все исследования, которые относились к “моральным наукам”, строились на спиритуалистической антропологии и таким образом открыто были противопоставлены процедурам и моделям естественных наук. Спиритуализм Кузена давал общие ориентиры, а отдельные отрасли науки в целом соотносились с философскими науками» [Хейльброн, 2012]. При этом подчеркивается, что моральные и политические науки противостояли наукам естественным, а отнюдь не философии и морали: «Моральные и политические науки были отделены от естественных наук и более тесно сближены как с факультетами права и факультетами словесности, так и с различными старыми и новыми государственными учреждениями» [Хейльброн, 2012]. Причину разделения исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, усматривают в политической реакции: «Другое выраже-

ние “социальные науки”, вошедшее в употребление в разгар революционных событий 1790-х годов, намеренно не употреблялось, потому что оно слишком напоминало о материализме и сциентизме революционных времен – о “социальной математике” Кондорсе или физиологическом изучении человека Кабанисом – наследии безответственных политических решений. Программной целью Академии было заменить и традицию, и ее консервативную альтернативу более либеральной перспективой» [там же].

Однако существует ряд возражений и к первой, и ко второй позиции.

Термин «социальные науки» появился только в 1824 г. в книге сторонника кооперативизма Уильяма Томпсона [Thompson, 1824] «Исследование принципов распределения богатства, в наибольшей степени способствующих человеческому счастью», и быстро распространился среди английских и французских мыслителей. Необходимость решения не только «политического вопроса» (вопроса о правах и достоинстве каждого), но и вопроса социального («вопроса о сущности общества, устройства собственности и промышленности, развития благосостояния, свобод, общественного духа...» [Considerant, 1847]) осознается как объединяющая всех демократов насущная задача, а не как революционное требование. О «социальных науках» пишет не только О. Конт, но и полемизирующий с ним Дж.Ст. Милль, спокойно использующий и термин «социальные науки», и термин «моральные науки». Отметим, что, напротив, представители моральных и политических наук позволяют себе иногда вполне революционные высказывания. К примеру, Ф. Гизо пишет: «Будь то старая или новая тирания и каковы бы ни были противники, под чьими ударами она пала, ее крах был столь же легитимен, сколь и их сопротивление, ибо сопротивление, как и власть, черпает свое право в своей моральной легитимности» [Гизо, 2000, с. 541]. Социальные науки нельзя назвать «нежелательными» в общем поле политических наук; термин «социальные науки» появляется намного позже Французской революции и подхватывается в общественно-политической мысли вовсе не как слишком левый и слишком революционный.

Отметим также, что институциональные изменения в преподавании политических наук сложно объяснить, если придерживаться идеи разделения политических, с одной стороны, и исторических и юридических наук – с другой, а также идеи противопоставления моральных и политических наук. Например, по Общему уставу императорских российских университетов 26 июня 1835 г. дисциплины «Политическая экономия и статистика» отнесены к философскому факультету: «...В состав философского факультета, состоящего из двух отделений, входят следующие науки: 1-е Отделение: 1) Философия. 2) Греческая словесность и древности. 3) Римская словесность и древности. 4) Российская словесность и история российской литературы. 5) История и литература славянских наречий. 6) Всеобщая история. 7) Российская история. 8) Политическая экономия и статистика. 9) Восточная словесность: а) Языки арабский, турецкий и персидский; в) Языки монгольский и татарский» [Университетский устав (26 июля 1835 г.)]. По Общему уставу императорских российских университетов 23 августа 1884 г. на отделении юридических наук преподаются международное право, государственное право, полицейское право, финансовое право, политическая экономия и статистика, энциклопедия права [Университетский Устав (18 августа 1884)].

Что подразумевается под понятием «моральная наука» (в русском переводе – «нравственная»)? Оно встречается уже в «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» Дидро и Даламбера. Статья «Политическая экономия» носит неожиданный подзаголовок «Мораль и политика». Там, в частности, мы встречаем следующее рассуждение: «...Первый и самый важный принцип Правления, основанного на законах или народного, состоит... в том, чтобы следовать общей воле... Вы хотите, чтобы осуществилась общая воля? Сделайте так, чтобы все изъявления воли отдельных людей с ней соотношались, а так как добродетель есть лишь соответствие воли отдельного человека общей воле, то... установите царство добродетели...» [Политическая экономия... 1994, с. 447, 452]. И далее: «Мы желаем, чтобы

народы были добродетельны? Так научим же их прежде всего любить свое отечество. Но как им его полюбить, если оно значит для них не больше, чем для чужестранцев, и дает лишь то, в чем не в силах отказать никому? Было намного хуже бы, если бы в своем отечестве они не имели бы гражданской безопасности, и их имущество, жизнь или свобода зависели бы от милости людей могущественных, причем им невозможно было бы или не разрешено было бы требовать установления законов. Тогда, подчиненные правам гражданского сословия и не пользуясь даже правами, даваемыми состоянием естественным, не будучи в состоянии использовать свои собственные силы, чтобы себя защитить, они оказались бы, следовательно, в худшем из состояний, в котором могли бы оказаться свободные люди, и слово «отечество» могло бы иметь для них только смысл отвратительный или смешной» [Политическая экономия... 1994, с. 455]. Новая связь морали и политики изобретена не реакцией после Французской революции (обращение к спиритуализму, религии и т.д.) – она встречается еще во времена Просвещения.

Однако как возможны «моральные науки» («нравственные науки»)? В статье из энциклопедии Дидро и Даламбера основой всякого правления объявляется всеобщая воля. Интересно, что главным принципом естественного права тоже объявляется всеобщая воля, которая «является в каждом индивиде чистым актом разума... и объясняет вам сущность ваших мыслей и ваших желаний» [Право, данное природой... 1994, с. 219]. Всеобщую волю следует искать «в основах писаного права всех цивилизованных наций, в общественных делах диких и варварских народов, в молчаливых взаимных договорах врагов человеческого рода и даже в возмущении и злобе, этих двух страстях, которыми природа наделила почти все существа вплоть до животных, дабы возместить несовершенство социальных законов и утолить жажду мести» [там же, с. 223]. Мы видим, что естественное право (обратим внимание на единственное число – не «естественные права», а «естественное право»), оказывается, невозможно «задать» раз и навсегда; оно реализуется в общественных установлениях – очень разных, причем не всегда справедливых. Естественное право вовсе не мыслится абстрактной конструкцией, вытекающей из моделирования поведения одного человека и введения затем в эту модель других людей – о чем авторы говорили в начале статьи, рассуждая о понятиях «справедливость» и «долг». Справедливость – «это долг создать каждому то, что ему подобает. Но на что мог притязать тот или другой человек при таком положении вещей, когда все принадлежало всем и, быть может, не существовало понятие долга? И что должен другим тот, кто позволяет им делать все и не требует ничего?» [Право, данное природой... 1994, с. 220]. Чуть ниже авторы показывают, что возможно такое моделирование социального взаимодействия, которое к естественному праву отношения не имеет (рассуждения о разумности требования уничтожения всех других жизней во имя своей при выдвижении его каждым) [там же, с. 221–222].

Можно сделать вывод о том, что понятие «естественное право» не связано с рациональным «робинзономоделированием». Скорее, проводится тезис о некоем общем начале, доступном каждому; начале, никогда до конца не формализуемом, но тем не менее организующем множество разнообразных форм жизни, более того, выступающим основным организующим началом любых форм социальности.

У этого понятия, как показывают исследователи [см., например: Гадамер, 1988], были «предшественники». Основной из них – понятие «здорового смысла», *sensus communis*, переложение в систему латинской культуры греческого понятия «фронесис».

Аристотель выделил три типа знания – *техне*, *эпистеме* и *фронесис*. Первое – знание ремесленника, не знающего ни математических истин, ни устройства гончарного круга, но умеющего создать прекрасный горшок «по наитию». *Техне* стало затем латинским *ars* – искусством, за которым долго сохранялась характеристика «неосознаваемой причастности к истине мира».

Образцом второго типа знания (собственно науки) выступает математика. Здесь мы говорим о вечных истинах, общезначимых, объективно представляемых и легко транслируемых.

Целое знание здесь разбивается на фрагменты, каждый из которых истинен. Оно легко поддается демонстрации (доказательству).

Однако бывают ситуации, когда нам нужно знать о мире в целом – например, ситуации нашего поступка. Этого знания у нас нет – есть лишь фрагменты эпистемы, есть техне, а также причастность души гармонии мира, которая позволяет нам различать хорошее и плохое. Мы вынуждены действовать, исходя из этого явно недостаточного знания, поэтому оценить правильность поступков мы тоже можем только апостериори: не нарушив гармонию мира своим поступком, мы чувствуем ее и тем самым устанавливаем, что поступили правильно. Это знание невозможно транслировать, во-первых, потому что изменяются ситуации, правильное действие в одной из них может быть явно неподходящим в другой; во-вторых, сама истина мира не формулируема в качестве общего положения. Образцом трансляции учения о фронесисе были сказы про дурака, существующие практически во всех европейских культурах: герой, узнав, что надо делать то-то и то-то, бездумно переносит это действие в другую ситуацию (услышав похвалу за доброе слово об огромном урожае «Таскать вам – не перетаскать», он повторил его и процессии, несущей покойника, за что был бит и т.д.). Не случайно греческая история учит на примерах (парадигмах) – примераясь к ситуации и зная поступок героя, мы проясняем для себя, чем же надо руководствоваться, чтобы действовать правильно. Это та самая практическая философия. И источниками этих примеров («парадигм») будут история и поэзия, которые всегда оказываются связанными с этой «практической мудростью», фронесисом.

Таким образом, речь идет о некотором «общем начале», проявления которого различны и которое в силу этого не поддается формулировке в виде общезначимых истин.

Эти смысловые моменты и сохраняются в латинском переводе – речь идет об «общем смысле», который руководит всеми правильными поступками, позволяя гармонии воспроизводиться, и который невозможно жестко зафиксировать в формулировке. Объясняя его, латинские авторы найдут интересные акценты – Цицерон определит его как «чувство социальности», которое руководит общественной жизнью.

И эти же смысловые моменты воспроизводятся в спектре переводов с латыни и интерпретаций этого понятия в европейских языках XVIII в. – и в том числе в понятии «естественного права» во французском языке, «чистом разуме» немецкого Просвещения и все том же «здравом смысле» английского Просвещения.

И поскольку классическая традиция образования в это время еще остается, не изменяются и способы трансляции этого типа знания – через примеры. Таким образом, история и поэзия обязательно связаны с практической философией и политикой. Нетронутая традиция классического образования постоянно транслирует эту схему. В ее рамках высказывается Н. Макиавелли: «И вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашел среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем разумение деяний великих людей, приобретенное вследствие длительного испытания современных дел и непрерывного изучения древних» [Макиавелли, 1998, с. 49]. М.В. Ломоносов в своем проекте университета для юридического факультета предполагал чтение курса по политике наряду с курсами практической философии и истории, а также права народов, публичного и частного права, русского права. В его письме о проекте учреждения Московского университета 1755 г. предполагалась должность профессора политики, который «должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время» [Письмо М.В. Ломоносова...]. Н.М. Карамзин в предисловии к первому тому «Истории государства российского» высказывается в духе той же традиции: «Простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим распола-

гает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [Карамзин, 2005, с. 13–14].

Проделанный экскурс в историю слова позволяет нам еще раз зафиксировать следующие принципиально важные моменты. Во-первых, речь идет не о возможных моделях, а об «универсальном» принципе, который, однако, невозможно жестко зафиксировать. Во-вторых, этот принцип мы должны каждый раз «открывать» в себе заново и в разных формах, справедливо действуя в соответствии с ним.

Немецкое Просвещение в лице школы Х. Вольфа даст образец еще одного интересного употребления слова «мораль» в политических исследованиях. Рассуждая об истории, И.М. Хладениус заметит, что есть некоторые сущности в истории, которые трудно исказить наблюдателю. Например, дороги, уровень урожая, просто строения, наконец – все видят их более-менее адекватно; это физические сущности. Есть поступки, тоже очевидные – Цезарь перешел Рубикон. Наконец, есть «моральные сущности». В вольфианской школе к моральным сущностям относят фабрику, гостиницу, школу. «Человек имеет определенное желание – неважно, речь идет об одном человеке или о многих; это его желание известно; на это желание люди могут ориентироваться – все это называется *моральной сущностью*. К примеру, таковой является учитель, о котором другие знают, признают это и обращаются к нему (прежде всего те, кто хочет учиться). Фабрикант всегда производит определенные товары, и в результате невозможно потерять работу. Содержатель гостиницы постоянно хочет принимать и обслуживать своих и чужих. Кафедра, фабрика и гостиница являются моральными сущностями, которые возникают в желаниях людей независимо от того, связаны ли они с какими-либо телесными вещами или нет...» [Хладениус, 2010, с. 205]. И они тоже видны всем. Значит, если мы не хотим вносить искажений в картину истории, мы должны писать ее как гигантское полотно постоянных взаимодействий этих трех типов сущностей. Исторические обзоры с детальным описанием мелочей – характерная черта историографии того периода.

Вторым важным моментом реконструкции будет обращение к собственной душевной жизни, «проявление» ее структуры и описание действительности через эти структуры [Хладениус, 2010, с. 205]. Именно понимание действия, ситуации как праведной или неправедной и будет основным шагом правильной реконструкции истории.

Связь практической философии, политических штудий и истории, как мы видим, была довольно жесткой и не касалась спиритуализма, реакции и т.д., с одной стороны, и не противоречила статусу научной дисциплины – с другой. Не случайно Х.А. Шлёцер, профессор политических наук в Московском университете в первой трети XIX в., начнет перечисление собственно политических наук с метаполитики, которую определит следующим образом: «Под сим именем я разумею науку о существе и цели общественных связей вообще, а в особенности о связи гражданских обществ... Вспомогательной наукой метаполитики служит практическая философия, и более всего наука о первоначальном основании и систематическом порядке гражданских и уголовных прав» [Шлёцер, 2014, с. 17].

Однако все это еще не объясняет включение в корпус наук статистики, изучения финансов и т.д. Статистика входит в корпус нравственных и политических наук уже в начале XIX в. и не покидает его, несмотря на реформы. Х.А. Шлёцер, например, предполагает, что метаполитика, политика, статистика и политическая история и образуют корпус политических наук [Шлёцер, 2014, с. 17]. Л.Н. Сморгунов приводит следующие сведения: «...в Педагогическом институте, на базе которого в 1819 году воссоздан Санкт-Петербургский Университет, программа испытаний за 1805 год включала в себя следующие предметы из науки политики: о различных образах правления; о способе узнавать посредством политической арифметики число народа; о необходимости религии в обществе; о доставлении съестных припасов; о начале уголовных законов (Материалы, папка 526)» [Сморгунов, 2009, с. 6]. На политико-юридическом отделении нравственно-политического факультета Московского университета предполагались

следующие экзамены: основные – политика, дипломатия, политическая экономия; вспомогательные – начала прав естественного, политического и народного, собственно юридические науки, история, статистика, латинский язык [Нравственно-политический факультет Московского университета... 2014, с. 12]. Все уставы университетов XIX в. предполагают статистику в корпусе дисциплин политического цикла. Но в этом нет никакой загадки. Послушаем Ж.-Ж. Руссо, автора статьи «Политическая экономия (мораль и политика)», когда он рассуждает о задачах правления: «...Одно из самых важных дел Правительства: предупреждать чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатства у их владельцев... ограждая граждан от возможности превратиться в бедняков... Люди неравномерно расселяются по территории государства и скопляются в одном месте, в то время как другие места становятся безлюдными... земледелие приносится в жертву торговле; откупщик становится необходимой фигурой лишь вследствие того, что Государь плохо управляет своими финансами; наконец, продажность доходит до таких крайностей, что уважение определяется числом пистолей и даже доблести продаются за деньги – таковы самые ощутимые изобилия и нищеты, подмены частной выгодой выгоды общественной, взаимной ненависти граждан, их безразличия к общему интересу, развращения народа и ослабления всех пружин Правления» [Политическая экономия... 1994, с. 457–458]. В ключе Руссо рассуждает К.Г. Лангер (апеллируя, прежде всего, к Аристотелю): «Все, что относится к ведению политической науки, можно распределить на две основные части. Первая из них создает основу для другой и говорит нам об общественном устройстве, объясняет его природу и причины, учит, как разумно организовать порядок подчинения при различных государственных устройствах; вторая же часть относится к мудрому управлению государством» [Лангер, 2011, с. 43]. А.П. Куницын еще точнее повторяет логику рассуждений Ж.-Ж. Руссо, предложенную в энциклопедической статье, полагая, что в круг государственных сведений, с которым отождествлял мыслитель политические науки, входят три главные части: «В 1-й объясняется природа человека и права людей независимых. Во 2-й – учреждение верховной власти, сообразное с целью государства. В 3-й – средства, верховной властью избираемые для достижения цели государства» [Куницын, 2008, с. 145–146].

Таким образом, проект нравственных и политических наук XIX в. реализуется в полном согласии с логикой рассуждений энциклопедистов, не отмежевываясь от поиска нравственного начала мира, постигаемого на примерах из истории (иногда – литературы) и выражаемого в справедливом устройстве (законах, праве частном и публичном). Это соединяющее нравственное начало поддерживается в рамках государственной политики во всех сферах, для чего в том числе нужна статистика, управление предпринимательством и финансами.

Этот проект не препятствует научному анализу и выведению закономерностей, но требует не абсолютно нейтрального наблюдателя, а наблюдателя сопереживающего, во-первых, и понимающего ситуативность своих конструкций, во-вторых. Именно в этом кроется, по-видимому, причина актуализации проекта фронесиса в наши дни [см., например: Real social science... 2012].

Список литературы

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Гизо Ф. Политическая философия: О суверенитете Франции // Классический французский либерализм. – М., 2000. – С. 507–588.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Избранные главы. – М.: Эксмо, 2005. – 671 с.

Куницын А.П. Изображение системы политических наук // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 г.: Антология / Под общ. ред. В.В. Мухачева. – М., 2008. – С. 145–146.

Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки. – М.: Изд-во Московского университета. 2011. – 128 с.

Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. – 656 с.

Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования: Пер. с англ. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: URSS, 2011. – 832 с.

Нравственно-политический факультет Московского университета, 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов, сост. А.В. Топычканов. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 64 с.

Письмо М.В. Ломоносова И.И. Шувалову об учреждении Московского университета (19 мая – 19 июля 1754). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/264> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Политическая экономия (мораль и политика) // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / Под ред. Богуславского В.М. – М.: Наука, 1994. – С. 441–475.

Право, данное природой, или естественное право // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / Под ред. Богуславского В.М. – М.: Наука, 1994. – С. 220–223.

Сморгунов Л.В. Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX в. // Политическая экспертиза. Политэкс. – СПб., 2009. – № 4. – С. 5–19.

Тургенев Н.И. Программа журнала «Архив политических наук и российской словесности» // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 г.: Антология / Под общ. ред. В.В. Мухачева. – М., 2008. – С. 182.

Университетский Устав (18 августа 1884). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/2761> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Университетский устав (26 июля 1835 г.). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Университетский устав (5 ноября 1804 г.). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Хейльброн И. Возникновение социальных наук во Франции // Гефтер. – М., 2012. – Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/6037> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Хладениус И.М. Всеобщая наука истории // Эпистемология и философия науки. – М., 2010 – № 1, Т. XXIII. – С. 189–192.

Шлёцер Х. О понятии и разделении политических наук в особенности // Нравственно-политический факультет Московского университета, 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов, сост. А.В. Топычканов. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – С. 15–18.

Considerant V. Principes du socialisme: Manifest de la democratie au XIX ciele suivi du process de la democratie au XIX siècle suivi de la process de la democratie pacifique. – P., 1847.

Real social science: applied phronesis / Ed. By B. Flyvbjerg, T. Landman, S. Schram. – Cambridge, MA: Cambridge univ. press, 2012. – 308 p.

Rosanvallon P. Le Moment Guizot. – Paris: Gallimard, 1985. – 414 p.

Thompson W. An inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness; applied to the Newly proposed system of voluntary equality of wealth. – L.: Longman, Hurst Rees, Orme, Brown & Green, 1824. – P. IX–X.

Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР

В.А. Соболев, А.А. Ширинянц²

Аннотация. Осмысление проблем становления политической науки в России остается актуальной теоретической задачей. Попытки редуцировать политическую науку России только к современному, постсоветскому этапу ее развития некорректны. Российская политология является составной и неотъемлемой частью мировой политической науки, складывание политологии в России уходит своими корнями в отечественную традицию социально-политической мысли. Политическая наука России переживала многочисленные структурные перестройки, имели место периоды забвения и отрицания прошлых достижений, но не прерывалось развитие социально-политической мысли. Легализация в СССР в 1989 г. политической науки стала заключительным этапом в истории признания данной обществоведческой дисциплины в нашей стране. Одним из отцов-основателей советской политической науки стал Федор Михайлович Бурлацкий (1927–2014), он первым из советских ученых публично выступил за восстановление в правах политологии как научной и учебной дисциплины. С 1965 г. Бурлацкий отстаивал особый предметный статус политологии, прикладывал много усилий, чтобы политическая наука «не затерялась» в господствовавших в советский период дисциплинах и предметных областях, разрабатывал методологию политической науки, новые аналитические подходы, различные тематические направления, важнейшими из которых представляются исследование политической системы СССР и анализ *проблематики политического лидерства и политических элит*.

Ключевые слова: Ф.М. Бурлацкий; политическая наука в СССР; история политической науки России.

V.A. Sobolev, A.A. Shirinyants

F.M. Burlatsky and formation of political science in the USSR

Abstract. Analysis of the problems of emergence and development of political science in Russia still remains an important theoretical task. Attempts to reduce the history of Russian political science to the contemporary, post-Soviet stage of its development are not correct. Russian political science emerged and developed as an integral and inseparable part of the international political science, but its formation rooted in the domestic tradition of socio-political thought. Russian political science has gone in its growth through many structural changes, there were periods of neglect and denial of past achievements, but the development of social and political thought remained uninterrupted. Official acknowledgement of political science in the Soviet Union in 1989 marked the final stage in the history of the recognition of this scientific discipline in the country. One of the founders of the Soviet political science was Fyodor Burlatsky (1927–2014). Burlatsky was the first Soviet scholar to publicly call for the reinstatement of political science as a scientific and academic discipline. Starting

² Соболев Владимир Андреевич, аспирант факультета политологии Московского университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: sobvlad1992@yandex.ru; Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: jants@yandex.ru. Sobolev Vladimir, Lomonosov Moscow State University, e-mail: sobvlad1992@yandex.ru; Shirinyants Alexander, Lomonosov Moscow State University, e-mail: jants@yandex.ru

from 1965, Burlatsky substantiated uniqueness of the subject of political science, greatly contributing to its preservation as an independent discipline, as well as to development of methodology of political science and new analytical approaches. He was the first to study such new subjects as political system of the USSR, problems of political leadership and political elites.

Keywords: Burlatsky; political science in the Soviet Union; history of political science.

История политической мысли наряду с политической философией и политической социологией – важнейшая, конститутивная часть политической науки. Известно, что без истории нет теории. Более того, можно утверждать, что в известном смысле история политической мысли – это сама политология, политическая наука, представляющая собой, как и любая наука, массив непрерывно пополняемого и обновляемого научного наследия. С такой точки зрения совершенно справедливым будет следующее умозаключение: с одной стороны, представление о том, что такое история политологии, основано на определенном видении того, что такое политология, с другой – представление о том, что такое политология, определяется тем, как осмыслена ее история.

В свое время Г.Х. Шахназаров обратил внимание на то, что «по сути дела, девять десятых всех выдающихся мыслителей, которых принято называть философами, были создателями политических учений, т.е., строго говоря, политологами. Ими были все утописты и создатели революционных теорий Новейшего времени, включая, естественно, Маркса, Энгельса, Ленина, а также идеологи различных политических партий и социальных движений» [Шахназаров, 2001, с. 196], а Ф.М. Бурлацкий в 1965 г. подчеркнул, что в СССР уже много лет в качестве самостоятельной отрасли знания существует «история политических учений, которая призвана изучать политическую науку в историческом плане» [Бурлацкий, 2013, с. 18]. Это абсолютно верная констатация факта не только полиморфности и полисемантичности того, что мы называем политологией, политической наукой, но и ее длительного исторического развития.

Являясь составной и неотъемлемой частью мировой политической науки, *российская политология укоренена в отечественной традиции социально-политической мысли* [Пляйс, 1999; Ильин, 2001, с. 5–21; Пляйс, 2001, с. 68–88; Пляйс, 2005, с. 9–32; Пляйс, 2007а, с. 5–17; Пляйс, 2007b, с. 3–18; Пивоваров, 2011, с. 50–63; Политическая текстология... 2014, с. 110–136; Горохов, Зеленин, 2015, с. 1–8; Пивоваров, Соловьев, 2015, с. 7–26; Пляйс, 2015, с. 6–10]. Русская социально-политическая мысль восходит к XI в., когда было записано «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона [Перевезенцев, 2007, с. 24–29; Ирхин, 2011а, с. 34–50; Ирхин, 2011b, с. 94–102; Перевезенцев, 2015а, с. 112–118; Перевезенцев, 2015b, с. 195–224]. И далее социально-политическая мысль России развивалась в интересных и оригинальных формах. Гуманитарный характер политологического знания обуславливает то, что трудно, а подчас невозможно разделить корпус исследуемых текстов на сугубо «научные», «политологические» и «художественные», так как форма и содержание большинства источников, особенно ранних периодов, характерны скорее для художественных и публицистических произведений, чем для научных трактатов. Большинство политических идей того времени не имели четко выраженной концептуальной формы, а имплицитно содержались в образно-символических, аллегорических, легендарно-иносказательных и мифологических текстах. Вплоть до XIX в. (а в ряде случаев и XX в., и даже XXI в.), когда началась институционализация политической науки в России, русские мыслители в своем творчестве не только предпочитали «ненаучные», художественные приемы (метафора, ирония и т.п.), но использовали прежде всего дедуктивные, логико-философские и морально-аксиологические подходы к объяснению и оценке окружающей действительности (того, что есть) и идеалов (того, что должно быть). Так, например, даже если рассматривать политологию как университетскую науку, то еще в 1804 г. в Императорском Московском университете было создано отделение (факультет) морально-политических наук [Очерки истории... 2009; Нравственно-политический факультет... 2014; Ирхин, 2015а, с. 32–44; Ирхин, 2015с, с. 56–64]. Такое название отделения связано с тем, что создававшая дан-

ный факультет русская интеллигенция испытывала чувства высочайшей гражданственности и ответственности перед Отечеством и народом и не отделяла политику от морали [Ширинянц, 2011; Ширинянц, 2012, с. 39–55; Гуторов, 2015].

Предметная область исследования истории политологии в России охватывает взаимодействие политической мысли (существующей в форме тех или иных учений, идей, школ, доктрин, концепций, теорий, наконец, в более общей форме направлений) с религиозной, философской, социологической, правовой и др. гуманитарной и естественнонаучной мыслью, с различными идеологическими формами; влияние мифов, утопий (антиутопий) и идеологий на эволюцию политической мысли и их способы отображения мира политики; протонаучные образы в становлении политической философии и науки; процесс обновления понятийно-категориального аппарата политической философии и науки в различные периоды общественного развития; основные этапы и особенности развития отдельных научных школ, направлений, политических учений; политические идеи и проекты русских мыслителей; общее (универсальное, повторяющееся) и специфичное (уникальное) в развитии отечественной социально-политической мысли в контексте мировой политологии; роль направлений (течений мысли) и отдельных учений, идей, школ, доктрин, концепций и отраслевых теорий в развитии российской и мировой политической науки [Политология как история идей, 2009, с. 65–81; Гуторов, 2016, с. 14, 19].

Важно подчеркнуть, что *в предметное поле истории политологии в России в обязательном порядке должна включаться и так называемая «советская политология», и творчество советских ученых, усилиями которых политическая наука развивалась в то время*. Критерием выбора творчества того или иного мыслителя, ученого в качестве предмета исследования в данном случае выступает множество факторов, главными из которых представляются следующие. Во-первых, влияние идей и концепций, теорий и доктрин мыслителя на формирование национальной и этнокультурной специфики политических отношений в России, роль и место его трудов в исследовании характерных черт этой специфики. Во-вторых, степень соответствия рассуждений и теоретических построений того или иного ученого уровню развития европейской и мировой науки того времени, их включенность в то или иное парадигмальное русло развития этой науки, с одной стороны, новизна по сравнению с предшествующими, оригинальность его размышлений о политической организации и политической жизни общества, о проблемах внутренней и внешней политики; его представлений об идеальной политической системе общества и адекватной системе приемов, методов, форм, способов осуществления политической власти в обществе и т.д. – с другой. Этим критериям вполне отвечает творчество *Федора Михайловича Бурлацкого* (1927–2014), одного из отцов-основателей советской политологии³.

³ Федор Михайлович Бурлацкий родился в Киеве 4 января 1927 г. Окончил Ташкентский юридический институт (1945–1947), аспирантуру Института государства и права АН СССР (1950–1951), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Политические взгляды Н.А. Добролюбова» (1951). В 1952–1953 гг. работал в Президиуме АН СССР, в 1953–1960 гг. – в журнале «Коммунист». В 1960-е годы входил в группу консультантов при Отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран под руководством Ю.В. Андропова. В 1964 г. успешно защитил диссертацию «Государство и коммунизм», стал доктором философских наук. Работал политическим обозревателем газеты «Правда» (1965–1967), старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (1968–1969), заместителем директора Института конкретных социальных исследований АН СССР (1969–1971), заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Института общественных наук при ЦК КПСС (1971–1989), политическим обозревателем (с 1982 г.), главным редактором «Литературной газеты» (1990–1991). В конце 1980-х годов Ф. М. Бурлацкий вернулся в политику, был избран в Верховный Совет СССР и возглавил подкомитет по международным делам (1989–1990). Как приглашенный профессор читал лекции в Колумбийском (1988), Гарвардском (1992), Оксфордском (1993) университетах. Последние годы жизни Ф.М. Бурлацкий служил профессором факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (с 2011 г.). Умер 26 февраля 2014 г. в Москве.

* * *

Утверждения о том, что в советское время никакой политологии не существовало, попытки редуцировать политическую науку России только к современному, постсоветскому этапу ее развития, несостоятельны. Российская политология переживала многочисленные структурные перестройки, имели место периоды забвения и отрицания прошлых наработок, но никогда развитие социально-политической мысли не прерывалось.

Как отмечает Л.В. Сморгун, современная российская политология опирается на несколько традиций советского времени: марксистско-ленинскую социально-политическую теорию; критику буржуазной идеологии, политической науки и политики; изучение различных стран и регионов мира в академических институтах; изучение конституций различных стран; социологические исследования общественного сознания, поведения, культуры [Сморгунов, 2015, с. 125–137].

Г.Х. Шахназаров был убежден в том, что «в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины политология *начала возрождаться* (выделено нами. – А.Ш., В.С.) лишь в XX веке, а окончательно оформилась только после Второй мировой войны» [Шахназаров, 2001, с. 196]. По мнению А.А. Галкина, именно в 1960-х годах еще молодые ученые Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и другие, входившие в группу консультантов при одном из отделов ЦК КПСС, выступили за легализацию политической науки в СССР.

Ф.М. Бурлацкий, вспоминая эти события, приводит следующие соображения: «В то время у нас была четкая цель – изменение политической системы нашей страны. Все, что мы делали, было порождено этой интенцией. Вы знаете, что тогда существовала группа советников-консультантов ЦК КПСС, в которую я вовлек и Шахназарова, и Александра Абрамовича, и Арбатова, и Сашу Бовина, и некоторых других. Именно там в те годы оказались сосредоточены люди, которые верили в возможность замены тоталитарной власти демократической и пытались воздействовать на политическую практику.

И первым шагом в этом направлении, первым прорывом был тезис о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что должно было открыть дорогу для становления цивилизационного демократического общества. Для этого, собственно, и нужна была политическая наука, которая бы не просто заимствовала за рубежом какой-то понятийный аппарат, какие-то идеи, хотя это было абсолютно необходимо, а предлагала теорию и инструменты реконструкции нашего государства, нашей политической системы, создания демократии, многопартийной системы, парламента и т.д. И здесь огромную роль сыграл учебник под редакцией Куусинена, для которого я по предложению Отто Вильгельмовича написал соответствующую главу⁴. Это был первый шаг, а вовсе не создание Ассоциации, которой руководил Виктор Михайлович Чхиквадзе⁵ – ...не имевший никакого отношения ни к подобного рода крамольным интенциям, ни к становлению науки.

А потом уже в наших кругах родилась идея формирования отечественной политической науки, конечно, тесно связанной с западной, но основанной на исследовании феномена нашей страны, нашего народа, нашей политической традиции, которая абсолютно не совпадает

⁴ Имеется в виду издание: [Основы марксизма-ленинизма, 1960].

⁵ Чхиквадзе Виктор Михайлович (1912–2006) – советский ученый и общественный деятель, доктор юридических наук (1947), профессор (1947), член-корреспондент АН СССР (1964, с 1991 г. – РАН). Президент Международной ассоциации юридических наук (1968–1972), вице-президент Международной ассоциации политических наук (1968–1970). Одни считают его создателем и первым президентом Советской ассоциации политических наук, другие – милым и симпатичным человеком, далеким от проблем политической науки (Ф.М. Бурлацкий), третьи – властолюбивым директором Института государства и права АН, прибравшим к рукам ассоциацию (В.А. Туманов), но тем не менее все сходятся в том, что Чхиквадзе очень много сделал для развития советской политической науки [Политическая наука... 2006, с. 141–156].

с западноевропейской. Тогда-то я и написал статью о политической науке, которая появилась в “Правде” в 1965 г.» [Политическая наука... 2006, с. 143].

Статья Ф.М. Бурлацкого «О политической науке» была опубликована в газете «Правда» 10 января 1965 г.⁶ В ней Ф.М. Бурлацкий разворачивает следующую аргументацию в пользу политологии: «Нам хотелось бы обратить внимание на необходимость разработки проблем политической науки. Речь идет о развитии отрасли знаний, насущно необходимых в настоящее время в связи с важными и сложными задачами, возникшими перед страной. Политическая наука призвана давать ответы на коренные вопросы совершенствования форм и методов руководства обществом с четким распределением функций, прав и обязанностей между всеми звеньями аппарата управления, проблемы выдвижения и обучения кадров.

Эта наука возникает на стыке ряда наук, а именно научного коммунизма, теории государства и права, социологии, а также экономической науки. В сущности, это процесс углубления теории, все большего проникновения научного анализа во все клетки общественной жизни, отражения всего ее многообразия.

Мы не ставим перед собой задачу очертить весь круг вопросов, относящихся к политической науке. Представляется, что главный объект исследования этой науки – политические отношения как в социалистическом, так и в капиталистическом обществе, отношения между государствами на международной арене. Если говорить более конкретно, то, на наш взгляд, эта наука должна заниматься изучением вопросов, связанных с устройством и деятельностью государства, политических партий, общественных организаций, массовых движений, международных объединений и организаций, форм и методов дипломатической деятельности, общественного мнения, методов пропаганды и т.д. Нельзя сказать, что эти проблемы сегодня совсем не изучаются. Они изучаются, но преимущественно в рамках исторической науки либо правовой, а многие проблемы остаются вне поля зрения ученых.

Развитие политической науки в качестве самостоятельной отрасли обществоведения позволит изучать названные проблемы комплексно, а главное, в тесной связи с потребностями практической политики.

Разумеется, политическая наука не может полностью взять на себя изучение содержания политики государства. Эта задача всех общественных наук в целом. Основная задача политической науки – изучение механизма руководства обществом в динамике, т.е. изучение того, как оно функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития» [Бурлацкий, 2013, с. 17–18].

Выступление Ф.М. Бурлацкого в газете «Правда» вызвало большой общественный резонанс в стране и за рубежом. В газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья, где содержалось следующее провокативное утверждение: «Ф. Бурлацкий и его “вундеркинды”, работающие, между прочим, в ЦК КПСС, предлагают заменить научный коммунизм политической наукой, уже завоевавшей себе призвание на Западе» [Бурлацкий, 2013, с. 294–295]. Руководство КПСС ожидаемо негативно восприняло данную оценку. К лету 1965 г. в «Правде» появились призывы отказаться от названия «Политическая наука», так как все марксистские науки – политические, и перевести дискуссию о политологии в плоскость создания преподавательской дисциплины.

А.Е. Бовин, один из участников событий, характеризует сложившуюся тогда ситуацию так: «...Именно Феде принадлежит идея легализовать у нас политическую науку. Ситуация была парадоксальной. Марксистско-ленинская идеология была самой политизированной... Первой ласточкой была статья Бурлацкого “Политика и наука” в “Правде” от 10 января 1965 года. Я шел вторым эшелонem. Моя статья появилась в “Красной звезде” 10 февраля. Против-

⁶ Однако с таким названием статья вышла только в выпуске газеты, который распространялся на периферии. В варианте для Москвы главный редактор изменил название на «Политика и наука».

ников было много. Главный аргумент – марксизм-ленинизм и есть наша политическая наука, наша политическая теория. Сопrotивлялись долго. В конце 1965 года мы (то есть Федя и я) решили сделать ход конем, опубликоваться в “Коммунисте”. Написали статью “Актуальные проблемы социально-политических исследований”. Статья обсуждалась на редколлегии в декабре. Статью завалили. Зачем нам какая-то “политическая наука” (или “политическая теория”, или “политическая идеология”)? В конце концов, поняли “зачем”. Бурлацкий победил...» [Бовин, 2003, с. 125].

Следующим шагом на пути признания политической науки в СССР Ф.М. Бурлацкий считает создание в 1969 г. в Академии наук СССР целой системы новых гуманитарных институтов. Поддержав группу социологов, состоявшую из Г.В. Осипова, Ю.А. Левады и Б.А. Грушина, вице-президент АН СССР А.М. Румянцев основал и возглавил Институт конкретных социологических исследований. В структуре Института было создано направление политической науки, возглавляемое Ф.М. Бурлацким, который затем стал заместителем А.М. Румянцева. Институт проработал около трех лет, после чего его расформировали.

Одним из ключевых событий становления политологии в СССР в качестве самостоятельной науки стал проведенный в 1979 г. в Москве XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки (МАПН) [Ирхин, 2015b, с. 80–88; Ирхин, 2016, с. 199–217].

Ю.С. Пивоваров характеризует значение данного конгресса следующим образом: «Этот конгресс во многих отношениях помог становлению у нас в стране политологии и фактическому признанию этой научной дисциплины. На конгрессе советские политологи продемонстрировали достаточно высокий профессиональный уровень и одновременно, оказавшись “лицом к лицу” с ведущими учеными мира, получили мощный импульс для дальнейших исследований. В этом контексте вполне впечатляюще выглядели достижения ИНИОН. Было подготовлено несколько сборников, по сути дела, открывших новую страницу в отечественной политической науке. Прежде всего, это сборник обзоров “Современная буржуазная политическая наука” (именно буржуазная, что делать, из песни слова не выкинешь) – единственный по сей день путеводитель по западной политологии. В жанре научно-аналитического обзора были созданы портреты национальной политологии (генезис, школы, наиболее острые проблемы) США, Великобритании, Франции и Германии. Большое значение имел также сборник научных портретов крупнейших политологов современности. Впервые в советской науке зарубежная политология была представлена “в лицах”» [Пивоваров, 2001, с. 49–50].

Активное участие в организации и проведении конгресса принимала Советская ассоциация политических наук (САПН) – профессиональное сообщество отечественных политологов, оформившееся в период 1955–1960 гг. [Патрушев, 2014, с. 3]. Она опиралась на Академию наук СССР и, в частности, на отраслевые и страноведческие академические институты: Институт государства и права, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт востоковедения, Институт Латинской Америки, Институт Африки и другие [История Российской ассоциации... 2015]. Это объясняется тем, что к концу 1970-х годов данные институты были признанными исследовательскими центрами.

На XI конгрессе МАПН, в котором участвовали 1466 человек, ученые обсуждали политологические проблемы войны и мира, международной безопасности, которые и в дальнейшем оставались в центре внимания отечественных исследователей. В конце 1970-х – начале 1980-х годов по данной проблематике активно работали и публиковались Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров и другие [Бурлацкий, 1982, с. 57–66; Шахназаров, 1984, с. 63–74].

Завершающим событием в истории легализации политической науки в СССР стало включение ее в номенклатуру специальностей научных работников, которая была изменена «с учетом развития новейших направлений науки и техники» по инициативе ЦК КПСС и Совмина СССР [Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, 1987, с. 498]. Я.А. Пляйс отмечает: «4 ноября 1988 г. можно по праву считать официальным днем рождения современной россий-

ской политической науки. Именно в этот день увидело свет Постановление Государственного комитета по науке и технике СССР (ГКНТ СССР) № 386 “О номенклатуре специальностей научных работников”, которым впервые утверждалась номенклатура специальностей научных работников по политологии. Это постановление стало актом не только официального признания политической науки в нашей стране, но и актом ее институционализации.

По приказу ВАК при СМ СССР № 1 от 25 января 1989 г. номенклатура, утвержденная ГКНТ СССР, была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров.

Постановление ГКНТ и приказ ВАКа способствовали созданию инфраструктуры, необходимой для становления и развития любой науки. Стали открываться специализированные кафедры, отделения по подготовке профессиональных политологов, формироваться диссертационные советы. Осенью 1990 г. в ВАКе был создан первый экспертный совет по политическим наукам, состоявший из 26 видных ученых...

Первые специализированные диссертационные советы по политологии были созданы в 1990 г. в Институте общественных наук при ЦК КПСС (его председателем стал д-р филос. наук, проф. Ф.М. Бурлацкий) и при Уральском отделении АН СССР. Первые защиты докторских диссертаций также состоялись в том же году, и произошло это в диссертационном совете Ф.М. Бурлацкого» [Пляйс, 2007b, с. 4–5].

* * *

Для нас важен тот факт, что Ф.М. Бурлацкий первым из советских ученых публично выступил за восстановление в правах политологии как научной и учебной дисциплины [Шестопал, Шутов, 2014, с. 124–128]. Именно поэтому он «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки» [Бовин, 2003, с. 115]. Ф.М. Бурлацкий в рамках своей научной деятельности занимался разработкой множества направлений, но наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие.

Первое направление – *развитие самой политологии*, формировавшейся в борьбе и противоречиях позднего советского периода. К этой теме Ф.М. Бурлацкий не раз обращался на протяжении всей своей научной карьеры. Среди ключевых работ в этой области, кроме упомянутой статьи в «Правде» (1965), можно отметить его книгу «Ленин. Государство. Политика» (1970), совместное с А.А. Галкиным исследование «Социология. Политика. Международные отношения» (1974), а также одну из последних статей в «Вестнике Московского университета. Серия 12: Политические науки» (2012) [Бурлацкий, 1970; Бурлацкий, Галкин, 1974; Бурлацкий, 2012, с. 15–27].

Размышляя о политологии, Ф.М. Бурлацкий практически всегда поднимал вопрос о соотношении политической науки и ее объекта – политики. Он акцентирует внимание на том, что «политику и политические отношения можно выделить из всей суммы общественных отношений, как нам кажется, только на основе их прямой или косвенной связи с властью и властной деятельностью. В самом общем виде определить политику можно как форму взаимоотношений между социальными группами, нациями, связанную прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования, понимаемой как способность принудить большие массы людей к выполнению тех или иных задач и решений» [Бурлацкий, 2012, с. 16]. Именно понятие власти «дает ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики» [там же, с. 22]. Власть – «реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям; политическая власть как одно из важнейших проявлений власти характеризуется реальной способностью данного класса, группы, индивида проводить свою волю, выраженную в политике и правовых нормах» [Бурлацкий, 2012, с. 22].

Второе направление – *исследование политических систем СССР*, а затем и современной России. Главными работами по данной теме стали книга «Государство и коммунизм» (1963), раздел в коллективных очерках «Политические системы современности» (1978), совместные издания с А.А. Галкиным «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма» (1985) и с В.О. Мушинским «Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма» (1986) [Бурлацкий, 1963; Бурлацкий, 1978; Бурлацкий, Галкин, 1985; Бурлацкий, Мушинский, 1986]. С его точки зрения, «политическая система представляет собой одну из подсистем общества (наряду с такими его подсистемами, как социально-экономическая, социально-культурная, личностная и др.) и играет основную роль в мобилизации ресурсов общества на достижение выдвигаемых им или его частью целей с помощью политической власти. Мобилизация общественных сил и средств в интересах достижения общих социальных целей, навязываемых и формулируемых элитой, представляет собой специфическую социальную функцию политической системы. В то же время последняя, наряду с другими социальными системами, решает такие задачи, как интеграция общества, определение его целей и задач в решении конкретных экономических, культурных и иных проблем и т.п. Такова, на наш взгляд, важнейшая особенность политической системы, в отличие от других подсистем, с точки зрения ее социальных функций и ролей» [Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 31–32].

О многопартийности, подлинном парламентаризме, политических свободах и многих других актуальных политических проблемах Ф.М. Бурлацкий в советский период писал эзоповым языком. Он разрабатывал проблемы, которые находились на острие политической жизни, требовали новаторского отношения. А любое новаторство в общественном знании тогда расценивалось как инакомыслие и жестко преследовалось. Использование же эзопова языка в некоторой степени ограждало от цензуры и цензоров, позволяло донести свои идеи до читателей [Соболев, 2016, с. 83–87].

Третье направление связано с проблематикой *политического лидерства и политических элит*. Ф.М. Бурлацкий изучал и анализировал личности крупнейших политических деятелей XX в.: Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, Н.С. Хрущёва и Ю.В. Андропова, М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина [Бурлацкий, 2003а; 2003б; 2008а; 2008б; 2008с; 2009; 1996]. На основе этого анализа Ф.М. Бурлацкий выработал оригинальную трактовку понятий лидерства и элиты, которая расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке объяснениями, выводящими вопросы нравственности и ценностей за рамки политологического анализа. В своем политологическом анализе деятельности крупнейших лидеров XX в. Ф.М. Бурлацкий выходил на высокий уровень научных обобщений, что ставит его в один ряд с мировыми учеными в сфере разработки проблем политического лидерства, такими как Карл Дойч, Фред Гринстейн, Дэвид Уинтер.

Ф.М. Бурлацкий в книге «Загадка и урок Никколо Макиавелли» впервые в советском обществоведении поднял вопрос о политической роли экспертов, консультантов, советников и об их участии в принятии государственных решений [Бурлацкий, 1977]. Академический интерес поддерживался опытом практической работы: в 1950–1960-е годы Ф.М. Бурлацкий сам работал советником, возглавляя группу консультантов при Ю.В. Андропове [Бутенко, 2000, с. 120–121; Галкин, 2010, с. 263]. Е.М. Примаков отмечал, что Ю.В. Андропов «окружил себя одаренными людьми... партийными интеллектуалами... которые помогали приближать партию к реальному пониманию действительной, а не “марксистско-книжной” обстановки в мире» [Примаков, 2006, с. 29]. Характеризуя группу, которую собрал вокруг себя Ф.М. Бурлацкий на Старой площади, Г.А. Арбатов подчеркивал, что «это был очень сильный и очень творческий коллектив» [Арбатов, 1991, с. 81]. Не случайно Ф.М. Бурлацкий настаивал на термине «аристократы духа» (термин Г. Стеффенса) для обозначения этого круга, включавшего людей, в силу своих высоких интеллектуальных и нравственных качеств принадлежавших к

элите общества. Одну из важнейших политических ролей – роль советника вождя Ф.М. Бурлацкий позже тщательно исследовал в книге «Юрий Андропов и аристократы духа» (2009), а также в работах о советниках Мао Цзэдуна, Н.С. Хрущёва и Ю.В. Андропова [Бурлацкий, 2009; 2008а; 1990].

Таким образом, с 1965 г. Ф.М. Бурлацкий отстаивал особый предметный статус политологии, прикладывал много усилий, чтобы политическая наука «не затерялась» в господствовавших в советский период дисциплинах и предметных областях. Он разрабатывал методологию политической науки, новые аналитические подходы в определении предметного поля самой политологии, в исследовании политических систем, политического лидерства и политических элит. Все это свидетельствует о том, что Ф.М. Бурлацкий внес значительный вклад в становление политической науки в СССР, а его научное и творческое наследие требует тщательного изучения.

Список литературы

- Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника. – М.: Международные отношения, 1991. – 398 с.
- Арбатов Г.А. Общественная наука и политика // Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / Отв. ред. Г.Б. Старушенко. – М.: Наука, 2001. – С. 37–67.
- Бовин А.Е. XX век как жизнь: Воспоминания. – М.: Захаров, 2003. – 773 с.
- Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущёве, Андропове и не только о них... – М.: Политиздат, 1990. – 383 с.
- Бурлацкий Ф.М. Государство и коммунизм. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 247 с.
- Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 255 с.
- Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. – М.: Наука, 1970. – 522 с.
- Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. – М.: Рипол Классик, 2003а. – 254 с.
- Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. – М.: Собрание, 2008а. – 229 с.
- Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущёв. – М.: Рипол Классик, 2003б. – 349 с.
- Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущёв и его советники – красные, черные, белые. – М.: Собрание, 2008б. – 285 с.
- Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – 328с.
- Бурлацкий Ф.М. От истоков к современному этапу развития политической науки в России: Состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2012. – № 5. – С. 15–27.
- Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. – М.: Собрание, 2008. – 319 с.
- Бурлацкий Ф.М. Русские государи: Эпоха реформации. Никита Смелый. Михаил Блаженный. Борис Крутой. – М.: Фирма «ШАРК», 1996. – 510 с.
- Бурлацкий Ф.М. Философия мира // Вопросы философии. – М., 1982. – № 12. – С. 57–66.
- Бурлацкий Ф.М. Юрий Андропов и аристократы духа. – М.: Собрание, 2009. – 286 с.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. – М.: Мысль, 1985. – 384 с.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. – М.: Международные отношения, 1974. – 324 с.
- Бурлацкий Ф.М., Мишинский В.О. Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма. – М.: Политиздат, 1986. – 254 с.

Бутенко А.П. Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2000. – 378 с.

Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): Субъективные заметки // *Полития*. – М., 2010. – № 3–4. – С. 257–269.

Горохов А.А., Зеленин Ю.А. Теоретико-методологические проблемы истории русской социально-политической мысли // *Вестник Московского государственного областного университета*. – М., 2015. – № 1. – С. 1–8.

Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза*. – СПб., 2016. – Т. 12, № 1. – С. 4–28.

Гуторов В.А. Политика и образование: Историческая традиция и современные трансформации // *Полис. Политические исследования*. – М., 2015. – № 1. – С. 9–29.

Ильин М.В. Отечественная политология: осмысление традиции // *Политическая наука / РАН. ИНИОН*. – М., 2001. – № 1. – С. 5–21.

Ирхин Ю.В. Международная ассоциация политической науки и российские политологи: 60 лет взаимодействия // *Среднерусский вестник общественных наук*. – Орел, 2015b. – Т. 10. – № 6. – С. 80–88.

Ирхин Ю.В. Начала российской политологии: Факультет нравственных и политических наук в Московском университете // *Вопросы политологии*. – М., 2015a. – № 1. – С. 32–44.

Ирхин Ю.В. Роль московского конгресса в генезисе Международной ассоциации политической науки: Экспертный анализ // *Политическая экспертиза*. – СПб., 2016. – Т. 12. – № 1. – С. 199–217.

Ирхин Ю.В. Российская политология: Четверть века или 255 лет? // *Социально-гуманитарные знания*. – М., 2011a. – № 2. – С. 34–50.

Ирхин Ю.В. Российская политология: Этапы генезиса и особенности институализации // *Среднерусский вестник общественных наук*. – Орел, 2011b. – № 1. – С. 94–102.

Ирхин Ю.В. Формирование факультетов нравственных и политических наук в университетах России // *Среднерусский вестник общественных наук*. – Орел, 2015c. – Т. 10, № 4. – С. 56–64.

История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 360 с.

Нравственно-политический факультет Московского университета: 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 64 с.

Основы марксизма-ленинизма: Учеб. пособие / Авт. О.В. Куусинен, Г.А. Арбатов, А.С. Беляков, и др. – М.: Госполитиздат, 1960. – 775 с.

Очерки истории политической науки в Московском университете, (1755–1835) / Под ред. А.Ю. Шутова. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 288 с.

Патрушев С.В. Основные события в истории РАПН // *Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. [Электронное издание]*. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. – С. 3–13. – Режим доступа: [http://umka.volsu.ru/newumka3/upload/58826972366776Publikatsiya%20RAPN 2014.pdf](http://umka.volsu.ru/newumka3/upload/58826972366776Publikatsiya%20RAPN%202014.pdf) (Дата посещения 12.12.2016.)

Перевезенцев С.В. Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII вв. – М.: Изд-во «Э», 2015a. – 528 с.

Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. – М.: Изд-во «ФИВ», 2015b. – 456 с.

Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. – М.: Русский мир, 2007. – 416 с.

Пивоваров Ю.С. Политическая наука в системе информации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2001. – № 1. – С. 49–53.

Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 3. – С. 50–63.

Пивоваров Ю.С., Соловьев А.И. Политическая мысль и политическая наука в России: Сложные переплетения, противоречивые традиции, прогноз будущего // История российской политической науки / Под ред. Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 7–26.

Пляйс Я.А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2005. – № 1. – С. 9–32.

Пляйс Я.А. О состоянии и особенностях современного этапа развития политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2007b. – № 5. – С. 3–18.

Пляйс Я.А. От политической мысли к политической науке // Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности. – М.: Изд-во МГУП, 1999. – 271 с.

Пляйс Я.А. Политическая наука в России: Прошлое и настоящее // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – Тамбов, 2007a. – № 1. – С. 5–17.

Пляйс Я.А. Политическая наука современной России // Политическая наука. – М., 2001. – № 1. – С. 68–88.

Пляйс Я.А. Современное политологическое пространство России: Состояние и проблемы // Вестник Поволжского института управления. – Саратов, 2015. – № 6. – С. 6–10.

Политическая наука в России: Вчера, сегодня, завтра: Материалы научного семинара / Алексеева Т.А., Бурлацкий Ф.М., Воробьев Д.М., Галкин А.А., Егоров В.К., Ильин М.В., Левин И.Б., Никитин А.И., Перегудов С.П., Смирнов В.В., Туманов В.А., Холодковский К.Г. // Полис: политические исследования. – М., 2006. – № 1. – С. 141–156.

Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: Материалы круглого стола / Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2014. – № 4. – С. 110–136.

Политические системы современности / Под. ред. Ф.М. Бурлацкого, В.Е. Чиркина. – М.: Наука, 1978. – 253 с.

Политология как история идей: Материалы круглого стола / Андерсон К.М., Вархотова В.А., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2009. – № 4. – С. 65–81.

Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета министров СССР от 13 марта 1987 г. № 327 «О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров» // Собрание Постановлений Правительства СССР (отдел первый). – М., 1987. – № 24. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_13860.htm (Дата посещения: 12.11.2016.)

Примаков Е.М. Минное поле политики. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 360 с.

Сморгунов Л.В. Региональные политологические сообщества в советское время // Политическая наука. – М., 2015. – № 3. – С. 125–137.

Соболев В.А. Роль Ф.М. Бурлацкого в формировании дискурса политической науки в СССР // SCHOLA–2016: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. – М.: Изд-во Московского университета, 2016. – С. 83–87.

Соловьев А.И. Современное политологическое пространство России: состояние и проблемы // Вестник Поволжского ин-та управления. – Саратов, 2015. – № 6. – С. 10–16.

Шахназаров Г.Х. Логика политического мышления в ядерную эру // Вопросы философии. – М., 1984. – № 5. – С. 63–74.

Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. – М.: Вагриус, 2001. – 590 с.

Шестопал Е.Б., Шutow А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого, (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2014. – № 3. – С. 124–128.

Шириняц А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2012. – № 4. – С. 39–55.

Шириняц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 563 с.

Религия и политика: От секуляризации к новым теоретическим координатам исследования

*М.М. Мchedlova, М.С. Кудряшова*⁷

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты современных подходов к интерпретации религии и политики, связанных с полифункциональным и многообразным присутствием религиозного фактора в современной политике. Акцент делается на новых теоретических координатах и методологических дискуссиях, а также на фокусах предметного поля исследования религии и политики в отечественной и зарубежной политологической традиции.

Ключевые слова: социально-политическое развитие; светскость; секулярная парадигма; религия и политика; религиозные организации; идентичность; цивилизация.

M.M. Mchedlova, M.S. Kudryashova

Religion and politics: From secularization to the new theoretical coordinates of research

Abstract. The article discusses various aspects of contemporary approaches to the interpretation of religion and politics related to multifunctional and diverse presence of the religious factor in contemporary politics. The authors pay special attention to the new coordinates of the theoretical and methodological discussions and focuses on the subject of the field research of religion and politics in the domestic and foreign political science tradition.

Keywords: socio-political development; secularism; secular paradigm; religion and politics; religious organizations; identity; civilization.

Включение религиозных референтов в объяснительные модели политики

Современные теоретические дискуссии относительно роли религиозного фактора в политике свидетельствуют не только о его особой актуальности для данного исторического времени, но и маркируют поиски контуров будущего. Вопрос о судьбе «расколдования» мира вновь на карте истории. Наглядные политизация религии и конфессионализация политики стали катализатором современных теоретических поисков выхода за традиционные эпистемологические рамки соотношения религии и общества, религии и политики, что определяет предметное поле исследовательской проблематики. Ключевой параметр здесь – поливариативное и многосмысловое возвращение религии в публичное пространство при широчайшей вариативности теоретических интерпретаций: от алармистских подходов и предостережений об опасности клерикализации до абсолютизации требования учета религиозных различий не только в частной, но и в политической, гражданской, правовой, социально-экономической сферах.

⁷ **Мchedlova Мария Мирановна**, доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии РУДН, главный научный сотрудник Института социологии РАН, e-mail: mchedlova@yandex.ru; **Кудряшова Маргарита Стефановна**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, e-mail: miran28@yandex.ru **Mchedlova Maria**, Peoples' Friendship University of Russia, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, e-mail: mchedlova@yandex.ru; **Kudryashova Margarita**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: miran28@yandex.ru

Возвращение религиозных смыслов в публичное пространство и неоднозначность социальных и политических практик стимулируют и более широкие теоретические обобщения, связанные с включением в традиционную институциональную парадигму политологических исследований социокультурных, в том числе религиозных, факторов⁸. Можно сделать вывод, что политика становится шире системы политических институтов, и это подтверждается включением в пул понятий, описывающих сферу политики, концепта «идентичность», операционализация которого в религиозных координатах позволяет выстраивать интерпретативные схемы и предлагать инструментальные практические подходы: поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур [Castells, 1999; Olivier, 2009; Identity, culture... 2001; Политическая идентичность... 2012]. Это направление научного поиска все более усиливается в отечественной политической науке. Кризис политического участия, потеря структурирующей роли традиционных политических и гражданских форм солидарностей и мобилизаций, эрозия доверия к политическим формам организации общества и к политическим элитам предопределяют выход на первый план солидарностей социокультурного типа – конфессиональных и этнических. Вместе с тем религия как таковая становится все более важным измерением политических сообществ и значимым источником ценностей для людей.

Данные тенденции, концентрирующиеся вокруг включения социокультурной компоненты в интерпретацию политической реальности, и рассмотрение социокультурного фактора как одного из атрибутивных⁹ не только заставляют осмысливать современную политику в иных категориях, но и актуализируют новые методологические и идеологические построения и дискуссии. Эти дискуссии все чаще звучат в российских исследованиях, отражая новые подходы к пониманию религии и политики, социокультурного профиля политической теории¹⁰.

Дискуссии о новых политических конфигурациях: Теоретические судьбы секуляризации и светскости

Многомерность присутствия религиозных рефренов в публичной политике – от связанных со сферой взаимоотношения человека с Трансцендентией до институционализированных форм политической активности – расставляет акценты эпистемологического порядка, без которых невозможно теоретическое объяснение современных социально-политических процессов. Изменение логики понимания модернизации в сторону нелинейности, когда видение ее перспектив потеряло свою однозначную нормативность и представляет собой широкий спектр ценностных вариаций [Инглхарт, 2010, с. 172], обуславливает поливариативность цивилизационного ракурса исследований. С одной стороны, последний также несет на себе отпечаток

⁸ Данная проблема становится одним из ключевых контекстов глобальных исследовательских проектов, являющихся основной верификационной базой для теоретических построений. Прежде всего следует отметить мегапроект Всемирного исследования ценностей (World Values Survey. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org>), представляющий собой глобальную сеть социологов, координируемых центральным органом, Ассоциацией World Values Survey, деятельность которой направлена на исследование основных ценностей и верований в 78 странах, включенных в контекст социальных, политических и экономических социальных трансформаций. Проект «Европейское социальное исследование» (2001, ESS, <http://www.europeansocialsurvey.org>), наделенный в 2013 г. статусом Европейской исследовательской инфраструктуры (European Research Infrastructure, центр – Лондонский городской университет), представляет собой академическое кроссгосударственное исследование, направленное на измерение установок, убеждений и моделей поведения различных групп населения в более чем 30 странах.

⁹ Так, например, игнорирование социокультурных контекстов, прежде всего влияния религии на поступки политиков и рядовых граждан, Мадлен Олбрайт рассматривала в качестве одного из основных факторов неудач внешнеполитической стратегии США. Неразрывность связи политики и религии позиционируется ею как императив [см.: Олбрайт, 2007].

¹⁰ Подробно о многообразии проявления религиозного фактора в политике, его трансформациях и новых звучаниях см.: [Мchedлова, 2011; Четверикова, 2005; Лебедев, 2010]. Историческая проекция этой проблематики дана в насыщенной работе [Государство и церковь... 2014].

просвещенческой парадигмы, с другой – все громче звучат голоса, настаивающие на том, что «культура имеет значение» [Culture matters... 2000] и что цивилизационная специфика различных типов обществ накладывает отпечаток на алгоритмы политических процессов в обществе. В данных параметрах религия как наиболее устойчивая часть цивилизационной идентичности позиционируется в основании геополитических сценариев. Данный подход характерен и для зарубежных, и для отечественных исследователей¹¹, предлагающих методологическую базу для анализа современного социально-политического развития, его динамики, системных и структурных последствий как долговременного процесса. Один из важнейших теоретических векторов исследования взаимоотношений религии и политики – судьба традиционных теорий секуляризации: сложившаяся модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику, настаивавшая на том, что постепенно «религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое значение» [Wilson, 1966, p. 14], перестает удовлетворять эпистемологическим запросам современности и параметрам реальной жизни, отражающим противоречия между политическим метанарративом Модерна и плюрализмом современности¹². Даже такой сторонник теории секуляризации, как П. Бергер, отмечает, что «если ранее мы говорили о процессе секуляризации и утрате иллюзий социума как тенденции долговременной и неизбежной, то сейчас ей на смену приходит тенденция десекуляризации, основанная, в частности, на переоценке социальной значимости религии» [Berger, 2001]. Одновременно все императивнее становится установка, что «нельзя исключать из публичной сферы религиозные или самобытные культурные мотивы и источники для формирования законодательства и общественной этики» [Вклад Представительства Русской Православной Церкви... 2011], а возрождающаяся роль религии в ряде случаев кажется весьма конструктивной и способной актуализировать, дополнить и в дальнейшем развить многие ставшие неэффективными светские концепции общественного развития [см.: Лебедев, 2007, с. 35].

Трагическое происшествие в Париже в январе 2015 г., столкновения между светским и религиозным на поле искусства, деятельность ИГ и многие другие прецеденты стали катализатором напряженного обсуждения пределов демократических ценностных рамок политического развития и переосмысления ценностных контекстов индивидуального и коллективного бытия в политических параметрах. Эти сюжеты стимулируют дискуссии вокруг политико-правовых принципов светскости и свободы совести как в отечественной политической науке, так и в среде российских религиозных деятелей.

Следует также отметить направление политических изысканий, посвященных проблеме модернизации и секуляризации в исламском мире, особенно соотношения ислама и демократии. В российском политическом знании эта тематика приобретает не только теоретическое, но и практическое значение, связанное с многоконфессиональным устройством российской цивилизации [см.: Кудряшова, 2012; 2003; Наумкин, Моххамад, 2013; Наумкин, 2010; Почта, 2012 и др.].

В настоящее время не сформировалось единого подхода к определению основных понятий новых концептуальных объяснительных схем: «десекуляризация», «ресекуляризация», «контрсекуляризация», «постсекулярное»¹³ и т.д., однако данная тенденция так или иначе

¹¹ При этом не все исследователи согласны с идеями С. Хантингтона, который сводит основания идентичности к религиозной составляющей. По их мнению, «религия – лишь часть проблемы, а не ее решение» [Anwar, Chivers, 2008; см. также: Митрофанова, 2008].

¹² Плодотворно работает в плюралистической парадигме и в сфере переосмысления теории секуляризации И.Г. Каргина, отражая различные аспекты плюрализации, связанные с религией и политикой, см.: [Каргина, 2014].

¹³ Концепция постсекулярного общества имеет методологической целью снятие противоречивости между религиозным и светским. На Западе данный подход в политических координатах использует Ю. Хабермас, интересен подход П. Бергера, тогда как в среде российских мыслителей значимое место занимают работы А. Кырлежева, Д. Узлайнера и др. Однако о популярности данной концепции пока говорить не приходится, поскольку политический нарратив данной концепции для российских

находит свое отражение во всех современных концептуальных подходах о роли религии в трансформации общества как за рубежом, так и в России. Значимое направление в отечественных исследованиях – одновременная возможность существования множественных секуляризаций и десекуляризаций [Агаджанян, 2012; см. также: Узланер, 2012; Каргина, 2014], зависящих от таких переменных, как масштаб трансформации (от нескольких институтов до всего общества); институциональный механизм распределения власти между религиозным и светским акторами; способ приведения этих механизмов в действие; идеологии, легитимирующие эти механизмы.

Отмеченная ключевая проблема и точка пересечения основных теоретических и мировоззренческих дискуссий, а именно принцип светскости, заложенный в политический метанарратив современности, структурирующий государственно-конфессиональные отношения и выстраивающий во многом саму сущность взаимоотношений между церковью, обществом и государством¹⁴, актуализирует в отечественном политическом знании вопрос о пересмотре границ принципа светскости. Является ли данный политико-правовой принцип предельным или сегодня возникают какие-то точки пересечения религиозного и светского, что предполагает поиск новых политических и юридических форм их взаимоотношений, а также проблематизирует императивность института свободы совести [Тощенко, 2007; Религия и светское государство... 2008; Солобожникова, 2010]? Среди всего конгломерата интерпретаций наиболее пессимистичные оценки сводятся к утверждению, что светский проект потерпел поражение, утратив монополию на описание реальности.

Государственно-конфессиональные отношения определяют формы присутствия религии и религиозных организаций в политической структуре общества вплоть до конституционно оформленных, отражая логику и философию государственной политики по отношению к религиозным организациям, а также место и роль религиозных институтов в структуре гражданской организации жизни. Это едва ли не самое популярное направление в российской политологии, особенно в инструментально-управленческих контекстах.

На стыке политической, социально-экономической и социокультурной ипостасей изучения общественных трансформаций находятся преимущественно западные [Stark, Mencken, Johnson, 2011; Weber, 2004] концепции «рынка религий» и религиозной экономики, которые сегодня притягивают к себе все больший научный интерес отечественных исследователей [Белькова, 2013; Руткевич, 2013 и др.]. В рамках данного подхода религия рассматривается как продукт, удовлетворяющий духовные потребности, и большое внимание уделяется конкуренции между религиями в условиях глобализации и доступа к информации, опосредующего политическую мозаичность.

Еще один поворот в исследованиях, связанных с осмыслением взаимоотношений религии и политики, связан с симультанностью традиции и современности, глобального и локального. С одной стороны, это познавательное продолжение переосмысления традиционных модернистских концепций, с другой – напряженный поиск объяснения качественно новых реалий: совмещения архаизации политики и современных черт, проявления религиозных интенций на различных уровнях свершения политического процесса – локальном, национальном, глобальном. Примечательно, что первые теоретические контуры в осмыслении глобализации были сделаны именно в исследованиях, связанных с религиозной проблематикой. Р. Робертсон и Дж. Чирико были, возможно, первыми, кто в 1985 г. включил понятие глобализации в академический оборот, и это произошло в статье о религии [Robertson, Chirico, 1985]. Можно согласиться с их мнением, что религии принадлежала сама идея глобального и поэтому именно

реалий достаточно проблематичен [см.: Хабермас, 2008; Бергер, 2012; Кырлежев, 2004; 2011; Узланер, 2009; Синелина, 2012].

¹⁴ Это проявляется и в новых политических практиках, демонстрирующих противоречивость и актуальность в оценках манифестации религиозной ориентации или наоборот, ее противоположности.

внутри религий проблематика соотношения универсализма и партикуляризма отражается наиболее ярко: в некотором смысле само понятие глобализации имеет некоторый религиозный или, точнее, – квазирелигиозный подтекст, затем были другие работы, ставшие заметными в российском гуманитарном знании¹⁵. Возможности религии как эффективного инструмента регуляции глобальных тенденций и политических трансформаций также находятся в фокусе познавательного интереса зарубежных и отечественных исследователей [Casanova, 2014; Vlas, Gherghina, 2012].

Новым полем исследовательского пространства, модифицирующим теоретические подходы, стало понимание религии как цивилизационной характеристики и основания культурной самобытности, что по-новому проблематизирует политические коллизии современности – конфессиональная идентичность может выступать необходимым условием и гармонизации социальной системы, и фактором ее дестабилизации¹⁶: «религия включается в “глобальный порядок” не столько как некий институт, анклав, община, сколько как некий “жанр коллективной или индивидуальной идентичности”» [Robertson, Chirico, 1985]. Новое прочтение религиозного фактора как идентификационного параметра, его новые смыслы фиксируются в российской науке прежде всего социологическими исследованиями¹⁷, отражающими политические контексты и формирующими предметное поле для политических исследований и, шире, для концептуального осмысления новых референциальных значений религиозного фактора. В данном русле находятся и многие отечественные современные страноведческие исследования взаимоотношения религии и политики.

Ключевым в данном аспекте для отечественной научной традиции представляется вопрос о политических стратегиях и технологиях, основанных на религиозных ценностях. Эти сюжеты все чаще становятся предметом не только идеологических баталий в публичном пространстве, но и теоретического осмысления и инструментальной политики. Религиозный экстремизм [Авдеев, 2013; Дмитриев, Залысин, 2008; Журавский, 2008; Кудрявцев, 2005] представляется трендом современности, возникшим на стыке видоизмененных политических параметров современности и цивилизационных оснований, и представляет собой крайнюю форму политических стратегий, привлекающих в свой арсенал религиозные основания. Среди значимых моментов отечественных теоретических исследований в политологической проекции стоит отметить два: религиозный экстремизм в межконфессиональных отношениях и как стратегия субъектов политического целеполагания. Особое место занимают исследования, связанные с исламской проблематикой и миграционными трендами.

Содержательная эволюция понятия «толерантность» и принципа толерантности, приведшая к «смысловой многослойности», предполагает четкий вектор развития: от религиозной проекции веротерпимости до выдвижения на первый план ценности культурного многообразия, уважения к людям иной веры или иного образа мыслей и отношения к ним как к равноправным согражданам [Хабермас, 2006, с. 47]. Религиозное измерение толерантности обуславливается необходимостью использования политического механизма сопряжения различных религиозных традиций, сосуществования светского и религиозного в современном мире [Толерантность... 2004; Толерантность как фактор... 2011]. Следует подчеркнуть, что данный теоретический подход в последнее время подвергается справедливой критике в зарубежном и

¹⁵ См., например: [Robertson, Garrett, 1991; Beyer, 1994]. Из более поздних работ следует обратить внимание на французский сборник [La globalisation... 2001]. См. также: [Кальвез 2008; Элбакян, 2013].

¹⁶ Зачастую конфликт между конфессиональными идентичностями в рамках одного религиозного течения становится основным маркером политических конфликтов. Ярким примером служит деятельность ИГ на Ближнем Востоке.

¹⁷ Социологические опросы неизменно фиксируют заметно меньшее число верующих в Бога по сравнению с общим числом приверженцев тех или иных конфессий, а также повышение уровня доверия к Церкви как институту. Политические акценты религиозной идентичности, данная проблематика в российском интеллектуальном пространстве освещена, например: [Российское общество... 2015 и др.]. См. также: [Россия в Европе... 2009].

отечественном дискурсах, поскольку обнаруживает все больше теоретических и практических издержек¹⁸.

Межрелигиозный диалог как проекция межкультурного диалога и как политическая технология взаимодействия приверженцев различных религий и конфессий, а также политико-институциональный ракурс общения религиозных организаций и институций [Диалог в полицентричном мире... 2010; Россия в современном диалоге цивилизаций... 2008; Шмидт, Мельник, 2014] все чаще становятся призмой исследования взаимоотношений религии и политики именно в российском политическом знании. В многоконфессиональных государствах, каковым является и Россия, политическая проблема равенства возможностей, равноправного диалога между конфессиями стоит наиболее остро. Из зарубежных работ особого внимания заслуживает издание Совета Европы «Боги в городе» [Des dieux dans... 2008], посвященное инструментальным политическим стратегиям и принципам реализации межкультурного и межрелигиозного диалога на локальном уровне. В данных координатах следует отметить масштабность исследовательского проекта REDCo¹⁹, изучающего влияние религиозного фактора на социальные трансформации и направленного на решение вопроса о том, как религии и ценности могут содействовать диалогу или создавать напряженность в Европе. Усилия ученых направлены на решение практической проблемы сосуществования и вступления в диалог европейских граждан разных религиозных, культурных и политических взглядов. К сожалению, в отечественной науке пока такие работы и такие исследовательские организации не представлены.

Религия и политика в России: Востребованные акценты изучения

Особо следует остановиться на специфике отечественных исследований воздействия религиозного фактора на политические процессы и институты в России, имеющих определенную окрашенность, опосредованную конвергентным эффектом общемировых тенденций и российских особенностей. Нельзя также забывать об эмоциональном, идеологическом и мировоззренческом резонансах событий, связанных с рассматриваемой областью. В теоретическом пространстве также не наблюдается единства интерпретаций, что связано с отмеченными магистральными проблемами изучения религии и политики. Ключевой особенностью отечественных исследований является междисциплинарный характер, что связано с отсутствием институционализации данной области политического знания и, как следствие, распыленностью исследователей. Накладывает отпечаток и многообразие проникновения религиозных референтов в политику, несводимое к единой схеме. Среди основной специфически российской концептуальной проблематики следует вычленить следующие направления исследования: государственно-церковные отношения, проблема светскости и свободы совести, религиозность и политические предпочтения, религия в качестве критерия социокультурной идентичности и возможности политической мобилизации и политического участия, основанных на религиозных ценностях; статус и деятельность религиозных организаций, прежде всего РПЦ, как социально-политических институтов и субъектов политического целеполагания [например: РПЦ... 2012], технологии и формы межрелигиозного взаимодействия. Политико-институциональная сторона религиозного возрождения в России рассматривается сквозь призму деятельности религиозных институтов в поле публичной политики как использование религиозной идеоло-

¹⁸ Это процессы, получившие реальное выражение в трагических событиях в Париже 7 января 2015 г. и массовых выступлениях после них, свидетельствуют как о пересмотре политического метанарратива Модерна, так и об актуализировавшемся противоречии между правом, свободой, справедливостью и моралью как основным онтологическим противоречии современности.

¹⁹ REDCo – «Религия в образовании: вклад в диалог или фактор конфликта в трансформирующихся сообществах европейских стран», координатор – профессор Вольфрам Вайсе, Университет Гамбурга, Германия.

гии и риторики в качестве легитимации деятельности различных политических субъектов, как соотношение светских и религиозных институтов, как расширение ресурсной, в том числе ценностно-идеологической, базы Церкви и иных религиозных организаций в качестве политических институтов.

Необходимо отметить познавательные акценты, имеющие вариативную шкалу интерпретаций: на роли религии в обеспечении единства российской нации и межнационального согласия²⁰, особой политической и духовной роли РПЦ в становлении государственности и культуры России [Васильева, 2004; Русская православная церковь... 2008; Васильева, 2014 и др.], российской многоконфессиональности, исламском векторе российской политики и православно-мусульманском диалоге в поле российской цивилизации [Логинов, 2013; Российская цивилизация... 2001; Гаврилов, Шевченко, 2010; Игнатенко, 2004; Малашенко, 2007].

Проблема исследования религиозных факторов в современном политическом знании отражает многомерность их присутствия в политической реальности. Несмотря на болезненность и актуальность проблематики, концептуальный интерес и познавательные потребности, исследование религии и политики пока не выделилось в отдельную дисциплину, крайне мало институционализированных исследовательских центров и скорее приходится говорить об экспертном знании. Налицо необходимость новых эпистемологических подходов к интерпретации политических изменений с учетом конфессиональной составляющей, что во многом обусловлено повышением значимости религиозного фактора в современной политике.

Список литературы

Авдеев Ю.И. Религиозный экстремизм: Сущность, типология, характерные черты // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. – М., 2013. – № 2. – С. 78–85.

Агаджанян А. «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и неизбежность секулярного Модерна // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – М., 2012. – № 1. – С. 83–110.

Белькова А. Отношения государства и церкви в теории религиозной экономики // Государство. Религия. Церковь. – М., 2013 – № 3 (31). – Режим доступа: <http://religion.rane.ru/?q=ru/node/475> (Дата посещения: 12.02.2015.)

Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь. – М., 2012. – № 2. – С. 8–20.

Васильева О.Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви в первые послевоенные годы // Историко-религиоведческие исследования: научный журнал. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 124–146.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Второй Ватиканский собор. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.

Вклад Представительства Русской православной церкви в Страсбурге в общественное обсуждение доклада группы видных деятелей «Жить вместе – разнообразие и свобода в Европе XXI века» // Представительство Русской православной церкви в Страсбурге. – Страсбург, 2011 – 11 июля. – Режим доступа: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=777> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Ислам и православно-мусульманские отношения в зеркале истории и социологии. – М.: Культурная революция, 2010. – 312 с.

²⁰ Подробно об этом см. проект Журнал «Вестник российской нации», а также исследования ИЭ РАН, ИС РАН, ИВ РАН, РАНХиГС и многочисленные конференции и обсуждения.

Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / Отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 540 с.

Диалог в полицентричном мире: Философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы / РАН. Институт Африки. – М., 2010. – 251 с.

Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Религиозный терроризм: Сущность, истоки, разновидности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / РАН. Институт социологии; Отв. ред. М.П. Мchedлов. – М., 2008. – С. 86–108.

Журавский А.В. Религиозный экстремизм: Реальность или фикция? // Religate. – 2003. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.religare.ru/article2080.htm> (Дата посещения: 15.02.2016.)

Игнатенко А.А. Ислам и политика. – М.: Новиздат, 2004. – 256 с.

Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / Ред. В.Л. Иноземцев. – М.: Европа, 2010. – 172 с.

Кальвез Ж.-И. Глобализация и церковь // Полис. Политические исследования. – М., 2008. – № 2. – С. 61–67.

Каргина И.Г. Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX – начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. – М., 2014. – № 1. – С. 109–115.

Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. – М.: МГИМО (У), 2014. – 278 с.

Кудрявцев А.И. Проблемы правового противодействия экстремистским проявлениям в деятельности религиозных объединений // Свобода совести в России: Исторический и современный аспекты // Материалы конференции. – М., 2005. – С. 35–43.

Кудряшова И.В. Иран как случай исламской модернизации // Политическая наука. – М., 2012. – № 2. – С. 107–134.

Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие исламских политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 3. – С. 87–117.

Кырлежев А. Постсекулярная эпоха: Заметки о религиозно-культурной ситуации // Континент. – М., 2004. – № 120. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Кырлежев А. Постсекулярное: Краткая интерпретация // Логос. – М., 2011. – № 3. – С. 100–106.

Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире позднего модерна // Социологические исследования. – М., 2010. – № 12. – С. 85–94.

Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс: К демифологизации понятия // Социологический журнал. – М., 2007. – № 2. – С. 24–36.

Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: Поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. – М.: Большая российская энциклопедия, 2013. – 551 с.

Малашенко А.В. Ислам для России. – М.: РОССПЭН, 2007. – 192 с.

Мchedлова М.М. Религия и политические императивы: Социокультурные реалии современности: Монография. – М.: РУДН, 2011. – 229 с.

Митрофанова А.В. Религиозный фактор в политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – М., 2008. – № 1. – С. 109–119.

Наушкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – М., 2006. – № 1. – С. 5–25.

Наушкин В.В. Мусульманская диаспора: Дифференциация, конвергенция, гибридизации // Международные процессы. – М., 2010. – Т.8, № 23. – С. 46–57.

Наушкин В.В., Моххамед М. В исламе не существует понятия секуляризации // Россия в глобальной политике. – М., 2013. – № 3. – С. 112–131.

Олбрайт М. Религия и мировая политика. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 352 с.

Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 208 с.; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 471 с.

Почта Ю.М. Мусульманский мир: Роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2012. – № 3. – С. 5–18.

Религия и светское государство. Принцип *laïcité* в мире и Евразии / Под ред. А. Агаджаняна, К. Руссоле. – М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008. – 468 с.

Руткевич Е.Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro et Contra // Вестник Института социологии. – М., 2013. – № 6. – С. 207–233. – Режим доступа: <http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=227> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / Ред. кол.: М.П. Мchedлов и др. – М.: Республика, 2001. – 544 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / РАН. Институт социологии; М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. – М.: Весь Мир, 2015. – 432 с.

Россия в Европе: По материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / Под общей ред. Андреевской А.В. и Беляевой Л.А. – М.: Academia, 2009. – 384 с.

Россия в современном диалоге цивилизаций / Отв. ред. А.В. Логинов. – М.: Культурная революция, 2008. – 400 с.

РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации: Материалы заседания научного совета ВЦИОМ (25 июня 2012) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2012. – № 4 (110). – С. 134–166.

Русская православная церковь: XX век / Рук. авт. кол-ва О.Ю. Васильева; Отв. ред. архим. Тихон (Шевкунов). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 802 с.

Руткевич Е.Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro et Contra // Вестник Института социологии. – М., 2013. – № 6. – С. 207–233. – Режим доступа: <http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=227> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Синелина Ю.Ю. Религия в современном мире // Эксперт. – М., 2012. – № 1. – 24 декабря. – Режим доступа: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Sinelina%20Religion%20in%20a%20modern%20world1.pdf (Дата посещения: 14.02.2016.)

Солобожникова В.С. Религия как ресурс светского государства: Потенциал и пределы использования // Проблемы модернизации российской государственности: Стратегии, институты, акторы. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 216–223.

Толерантность / Ред. М.П. Мchedлов. – М.: Республика, 2004. – 416 с.

Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: Управление рисками ксенофобии в обществе риска / Под ред. Ю.П. Зинченко, А.В. Логинова. – М., 2011. – 608 с.

Тоценко Ж.Т. Теократия: Фантом или реальность. – М.: Academia, 2007. – 664 с.

Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: Социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь. – М., 2012. – № 2. – С. 18–32.

Узланер Д. Светскость в постсекулярном мире // Русский журнал. – М., 2009. – 19 июня. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Svetskost-v-postsekulyarnom-mire> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. – М., 2006. – № 1. – С. 45–53.

Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Русский журнал. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushchego-ateizma> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Четверикова О.Н. Религия и политика в современной Европе. – М.: Московские учебники и картолитография, 2005. – 176 с.

Шмидт В.В., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: Принципы организации и опыт. К 15-летию Межрелигиозного Совета России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – М., 2014. – № 2 (25). – С. 5–31.

Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религии в эпоху глобализации // Религиоведение. – М., 2013. – № 3 – С. 149–162.

Anwar A., Chivers C. Une occasion manquée. Autorité locales et dialogue interreligieux: une perspective britannique / H. Skard, J. Palard, J.M. Woerling (eds) // Des dieux dans la ville – Le dialogue interculturel et interreligieux au niveau local. – Strasbourg: Ed. du Conseil de l'Europe, 2008. – P. 89–96.

La globalisation du religieux / J.-P. Bastian, F. Champion, K. Rousselet (eds). – Paris: L'Harmattan, 2001. – 282 p.

Berger P.L. Le réenchantement du monde. – Paris: Fayard, 2001. – 149 p.

Beyer P. Religion and globalization. – L.: Sage, 1994. – 250 p.

Casanova J. Secularisation, religion, and multicultural citizenship / Berkley center for religion, peace & world affairs. – Berkley, 2014. – 1 January. – Mode of access: <http://berkeleycenter.georgetown.edu/publications/religious-associations-religious-innovations-and-denominational-identities-in-contemporary-global-cities> (Дата посещения: 14.02.2016.)

Castells M. L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité. – Paris: Fayard, 1999. – 53 p.

Des dieux dans la ville – Le dialogue interculturel et interreligieux au niveau local. – Strasbourg: Ed. du Conseil de l'Europe, 2008. – P. 89–96.

Finke R., Stark R. The dynamics of religious economies // A handbook of the sociology of religion / Ed. by M. Dillon. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – P. 100–104.

Culture matters: How values shape human progress / L. Harrison, S. Huntington (eds.) – N.Y.: Basic books, 2000. – 384 p.

Identity, culture and globalization / ed. by E. Ben-Rafael, Y. Stenberg, – Leiden: Brill, 2001. – 697 p.

Olivier B. Les identités collectives à l'heure de la mondialisation. – Paris: CNRS éditions, 2009. – 237 p.

Robertson R., Chirico J. Humanity, globalization, and worldwide religious resurgence: a theoretical exploration // Sociological analysis. – Oxford, 1985. – Vol. 46, N 3. – P. 219–242.

Robertson R., Garrett W. Religion and global order. – N.Y.: Paragon house publishers, 1991. – 322 p.

Stark R., Mencken C., Johnson B. A reliable estimate of the number of Chinese christians // First things. – N.Y., 2011. – P. 14–16.

Vlas N., Gherghina S. Where does religion meet democracy? A comparative analysis of attitudes in Europe // International political science review. – L., 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 336–351.

Weber J. Economists are getting religion // Bloomberg businessweek. – N.Y., 2004. – May, 12. – Mode of access: <http://www.businessweek.com/stories/2004-12-05/economists-are-getting-religion> (Дата посещения: 12.02.2016.)

Wilson B. Religion in secular society: A sociological comment. – L.: Watts, 1966. – 14 p.

К вопросу о профессионализации деятельности в сфере политики: Российская практика

О.В. Столетов, И.А. Чихарев²¹

Аннотация. В обзоре рассматривается процесс отраслевой консолидации сообщества профессионалов в области политической деятельности и в этом контексте проводится сравнительный анализ базовых структурных характеристик существующих в современной России проектов профессиональных стандартов политического профиля. В результате проведенного исследования авторы выявляют основные особенности и проблемы происходящего в России процесса стандартизации профессиональной деятельности в сфере политики.

Ключевые слова: политика; профессиональные ассоциации; национальные профессиональные стандарты.

O.V. Stoletov, I.A. Chiharev

The issue of performance professionalization in the political sphere: Russian practice

Abstract. The review examines the process of consolidation of professional community in the field of politics and analyzes the basic structural characteristics of the existing projects for establishing professional standards in the Russian political sphere. As a result, the authors identify the main features and issues of national process of standardization of professional activity in the sphere of politics.

Keywords: politics; professional associations; national professional standards.

В обзоре исследуется процесс многостороннего научно-общественного осмысления политических практик как определенных видов профессиональной деятельности в социально-политической системе современной России. Особое внимание уделяется такому ключевому проявлению этого процесса, как формирование в стране пула специализированных профессиональных ассоциаций, ставящих перед собой стратегическую задачу на системной основе выстроить конструктивный диалог и многомерное взаимодействие с сообществом работодателей по вопросам развития востребованных в стране политических профессий.

В рамках общественно-политических коммуникаций важной миссией профессиональных ассоциаций становится совместная с сообществом работодателей, образовательными организациями работа по выстраиванию оптимальной системы подготовки кадров, ориентированной на получение профессиональных компетенций в сфере политики, востребованных стейкхолдерами и закрепленных соответствующим уровнем квалификации.

Исследование профессиональных ассоциаций, играющих большую роль в формировании в России устойчивой системы коммуникаций государственных, экономических, общественных и иных субъектов рынка политических профессий, участвующих в разработке и продви-

²¹ **Столетов Олег Владимирович**, кандидат политических наук, старший преподаватель факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru; **Чихарев Иван Александрович**, кандидат политических наук, декан факультета социальных технологий и управления Московского политехнического университета, доцент факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: ichikharev@yandex.ru **Stoletov Oleg**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru; **Chiharev Ivan**, Moscow Polytechnic University, Lomonosov Moscow State University, e-mail: ichikharev@yandex.ru

жении проектов профессиональных стандартов в сфере политической деятельности, чрезвычайно важно в контексте выработки национальной концепции развития политологического, и шире – политического образования.

Профессиональная деятельность в сфере политики в представленном обзоре понимается расширительно. При таком подходе внутрь этого понятия включаются все существующие виды деятельности в отдельных сегментах дифференцированной политической сферы. Профессионалами в сфере политики выступают, в частности, исследователь политики, преподаватель политических наук, политический лидер, политический аналитик, политический консультант, PR и GR-менеджеры, политический журналист, политтехнолог. Специализация на рынке политических профессий усиливается, что становится важным фактором, актуализирующим выбранную тему.

Предложенный в обзоре анализ фактического материала позволяет уточнить предметное поле и задачи прикладной политической науки в России на современном этапе развития общественно-политических отношений. В данном случае для политической науки принципиально важно исследовать особенности трансформации институциональных условий, в значительной степени определяющих вектор развития отечественной системы образования, а также способных в перспективе существенно повлиять на развитие общественных отношений и политической системы в стране.

Российские профессиональные ассоциации в сфере политики

В России существует ряд профессиональных ассоциаций, отвечающих за определенные сегменты деятельности в сфере политики. Это Российское общество политологов, Российская ассоциация политической науки, Российская ассоциация по связям с общественностью, Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства GR-Лига, Национальный союз лоббистов, Российская ассоциация политических консультантов, Ассоциация специалистов по оценке программ и политик. Помимо них, в России существуют ассоциации, которые не ассоциируют себя непосредственно с рынком политических профессий, однако де-факто к нему примыкают, в частности, Национальная гильдия профессиональных консультантов, Ассоциация коммуникационных агентств России, Ассоциация менеджеров и ряд других.

Российское общество политологов (РОП) было основано в ноябре 2013 г. Основной его целью является интеграция российского политологического сообщества, укрепление связей между политической наукой, политологическим образованием и практической политикой. В числе приоритетов деятельности РОП – содействие продвижению отечественных научных школ, занимающихся исследованиями политики, в мировом научном пространстве. В работе РОП принимают участие свыше 650 политологов. В своей деятельности Российское общество политологов стремится позиционировать себя как сообщество профессиональных политологов, являющихся не только учеными, но и публичными экспертами, дающими научно обоснованную экспертную оценку актуальным событиям и процессам.

Российская ассоциация политической науки (РАПН), старейшая национальная профессиональная ассоциация и правопреемница Советской ассоциации политической науки, ведет отсчет своей деятельности от 1955 г. В качестве своей основной цели Ассоциация рассматривает содействие консолидации профессионального научного сообщества и развитию политологии в России. Численность членов РАПН составляет свыше 800 человек. РАПН концентрируется на научно-исследовательской деятельности: в ее состав входит 19 исследовательских комитетов, планируется создание еще трех.

Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства GR-Лига была основана 18 июля 2012 г. Основной целью Ассоциации является содействие развитию профессиональной деятельности в области выстраивания связей бизнеса и государства. В настоящее время GR-

Лига объединяет около 50 руководителей GR-подразделений крупнейших компаний различных секторов российской экономики и глав ведущих консалтинговых агентств.

Национальный союз содействия развитию института лоббизма (Национальный союз лоббистов), созданный в декабре 2014 г., представляет и защищает общие, в том числе профессиональные, интересы для достижения общественно-полезных целей, содействия развитию института лоббизма в России. В рамках своей деятельности Национальный союз лоббистов реализует научную, экспертную, информационную поддержку инициативы по формированию в России законодательно оформленной системы лоббизма.

Ассоциация специалистов по оценке программ и политик (АСОПП) начала свою работу 15 мая 2014 г. Свою миссию Ассоциация видит в развитии и продвижении оценки программ и политик как профессии в России. К основным задачам своей деятельности Ассоциация относит изучение, развитие и распространение знаний в сфере оценки программ и политик; повышение квалификации специалистов в сфере оценки программ и политик; формирование и поддержание стандартов профессиональной деятельности в сфере оценки программ и политик; поддержку обмена информацией и взаимодействия между специалистами по оценке программ и политик в России; интегрирование российских специалистов по оценке в международное профессиональное сообщество. В настоящее время Ассоциация имеет региональные отделения в Москве, Новосибирске и Санкт-Петербурге. Организация проводит собственные ежегодные конференции, а также выступает партнером многих экспертно-образовательных проектов в области профессиональной оценки.

Российская ассоциация по связям с общественностью (РАСО), учрежденная в 1991 г., видит своей основной целью консолидацию усилий отдельных операторов PR-рынка для решения вопросов отраслевого значения. Ассоциация насчитывает свыше 300 индивидуальных членов. Коллективными членами РАСО являются 26 коммерческих и государственных структур. Ассоциация реализует образовательный проект «РАСО. Практика», ведет работу по сертификации специалистов по связям с общественностью, проводит большое количество практических и научно-практических мероприятий.

Российская ассоциация политических консультантов (РАПК) была учреждена в марте 2014 г. Ассоциация представляет собой профессиональное объединение политических консультантов, работающих в сфере организации и проведения выборных кампаний, а в межвыборный период работающих с политиками и общественными деятелями. Основная миссия РАПК определяется как содействие формированию правового, демократического государства в России. В рамках исполнения декларируемой миссии Ассоциация стремится разрабатывать, поддерживать и обслуживать демократические процессы и процедуры в России, а также содействовать повышению престижа политических профессий в стране. Численный состав членов Ассоциации составляет свыше 70 человек.

Национальная гильдия профессиональных консультантов (НГПК), созданная в 2000 г., позиционирует себя в качестве специализированной организации, объединяющей авторитетных представителей бизнеса, консалтинга и государственных структур. Свою миссию Национальная гильдия видит в интеграции интересов и базовых ресурсов стратегического альянса «Бизнес – Консалтинг – Государство» во имя интеграции и развития общества. В состав Ассоциации входит 16 индивидуальных и 10 коллективных членов. Ассоциация ежегодно проводит международные форумы по консалтингу, различные образовательные мероприятия.

Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР) имеет более длительную историю. Она была образована в 1993 г. и в настоящее время объединяет более 200 ведущих участников рынка коммерческих коммуникаций России. Организация не делает какого-то принципиального акцента на политической составляющей и позиционирует себя в качестве сообщества профессионалов в области рекламы и маркетинговых коммуникаций. Ассоциация ежегодно проводит исследование рынка, реализует множество образовательных и информаци-

онных проектов. Данная информация находит свое отражение в развернутых ежегодных отчетах, публикуемых на официальном сайте организации.

Проведенный обзор показывает, что в своем большинстве профессиональные ассоциации, связанные со сферой PR и консалтинга, возникли в России раньше, нежели профессиональные объединения, имеющие отношение к сферам лоббистской, публичной экспертной деятельности и ассоциирующие себя непосредственно с политикой.

Важной особенностью сегодняшней деятельности собственно политологических ассоциаций является целенаправленная работа по консолидации вокруг себя структур, относящихся к ключевым сегментам профессионального политического рынка. Так, в 2012 г. по инициативе МГУ имени М.В. Ломоносова, Института социально-политических исследований РАН, Правительства Москвы, а также ряда бизнес-структур была учреждена Ассоциация работодателей в области политических профессий. Несколько позднее, в 2014 г., по инициативе РАПН была учреждена Ассоциация содействия развитию социально-политических наук и управления. Соучредителями Ассоциации, помимо РАПН, выступили Институт философии РАН, Государственный университет гуманитарных наук, Институт социологии РАН, ИНИОН РАН, ВЦИОМ, агентство «Никколо М» и ряд других организаций [Гаман-Голутвина, 2016, с. 23].

Каждая из рассмотренных выше ассоциаций стремится к более активному присутствию в публичном пространстве страны, расширяя спектр направлений своей деятельности, проводимых мероприятий, а также используя новые каналы коммуникации. Продвижение проектов профессиональных стандартов данными ассоциациями обусловлено их стремлением обеспечить возможность эффективного развития на трансформирующемся рынке труда представляемых ими профессий.

Проекты профессиональных стандартов в области политики

В настоящее время в России отсутствует утвержденный профессиональный стандарт для профессионала в области политической деятельности, однако существует несколько проектов. В числе разработанных проектов профстандартов, наиболее близко примыкающих к политическим профессиям, следует назвать следующие: «Политолог» (разработчик – Российское общество политологов), «Специалист по связям с общественностью» (разработчик – Российская ассоциация по связям с общественностью), «Специалист по продвижению и представлению интересов юридических лиц, социальных групп или индивидов в государственных и муниципальных органах (лоббист)» (разработчик – Национальный союз лоббистов), «Специалист по взаимодействию с государственными и муниципальными органами и некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации» (разработчик – GR-Лига), «Консультант по управлению» (разработчик – Национальный Институт сертифицированных консультантов по управлению), «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований» (разработчик – Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89»).

Проекты профессиональных стандартов во многих аспектах взаимно дополняют друг друга. Представляется целесообразным провести их сравнительный анализ по следующим критериям: 1) степень ориентированности профстандарта на определенный сегмент рынка профессиональной деятельности в сфере политики; 2) степень детализированности описания профессиональной деятельности; 3) степень акцентирования внимания на определенной группе профессиональных компетенций.

Проект профессионального стандарта «Специалист по связям с общественностью» делает акцент на аналитических, коммуникативных и проектно-управленческих компетенциях и отличается высокой степенью детализированности. Основное внимание документ уделяет коммуникативным компетенциям (например, коммуникация в проектной работе). В проекте

этого профстандарта деятельность в сфере PR поглощает собой GR (Government Relations), а также IR (Investor Relations) и предполагает наличие у профессионалов в сфере PR значительного объема специальных экономических знаний. Кроме того, проект профстандарта уделяет внимание компетенциям в области ивент-менеджмента. Профессиональная деятельность в области организации взаимодействия с акционерами, финансовыми аналитиками, кредитными организациями и т.д. предполагает знание технологий организации специальных мероприятий (например, RoadShow, Media&Analyst Conference), а также способность к проведению регулярных публичных мероприятий. В проекте профстандарта деятельность в сфере PR оказывается шире политической сферы деятельности, как следствие, сам стандарт оказывается надпрофессиональным.

Проект профессионального стандарта «Специалист по продвижению и представлению интересов юридических лиц, социальных групп или индивидов в государственных и муниципальных органах (лоббист)» характеризуется высокой степенью специализации и фактически ориентирован на один определенный сегмент рынка политических профессий – сферу взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Анализ трудовых функций проекта профстандарта позволяет установить, что профессиональная деятельность лоббиста связана с представительством и продвижением интересов юридических лиц, общественных групп, а также отдельных индивидов в органах государственной власти и местного самоуправления.

На уровне профессиональных компетенций проект профстандарта «Лоббист» делает акцент на юридической и экономической подготовке. В числе необходимых знаний документ называет, в частности, такие предметные области, как основы гражданского права, законодательство России в области представительства интересов, противодействия коррупции, организации массовых мероприятий, бюджетирование рабочих процессов. Еще один блок профессиональных знаний касается особенностей, структуры и регламента работы органов власти различного уровня. Принципиальное значение придается знанию организации переговорного процесса, техник коммуникативного влияния на контрагента.

Осложняет реализацию заложенных в проект профстандарта «Лоббист» принципов отсутствие в России федерального закона о лоббистской деятельности, что создает определенные проблемы для институционализации данной политической профессии. Тем не менее предложенная разработка представляет собой попытку системно соотнести профессиональную деятельность профессионалов в области связей с государственными структурами и иными органами управления с российскими реалиями.

В проекте профессионального стандарта «Специалист по взаимодействию с государственными и муниципальными органами и некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации», который также является специализированным, разработчик де-факто выделяет в работе по представительству интересов экспертно-аналитическую, проектную и организационно-управленческую деятельность. Проект профстандарта в значительной мере ориентирован на знания в сфере отраслевого права и публичной политики. В компетентностном плане основное внимание уделено аналитическим, коммуникативным, документационным и организаторским способностям. Описание профессиональной деятельности, заложенное в профстандарт, дает развернутое представление о ее содержании.

Проект профстандарта «Консультант по управлению» не делает акцент именно на политической нише. Разработчики документа постарались сделать его максимально абстрактным для того чтобы он мог быть отнесен к сфере консультирования, реализуемого внутри различных управленческих организаций. В разрезе компетенций проект профстандарта ориентирован на сферу менеджмента. К необходимым знаниям профессионального консультанта по управлению отнесены общий менеджмент, основы маркетинга, основы финансового менеджмента, основы управления персоналом.

Проект профстандарта «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований» также не акцентирован на политической сфере, однако может быть ориентирован на сферу деятельности политического социолога, в том числе участвующего в проведении избирательных кампаний. Описание трудовых функций, представленное в проекте профстандарта, отличается высокой степенью детализации. Документ предполагает, что профессионал в данной области деятельности обладает знаниями в сфере социологии, владеет методологией социологических и маркетинговых исследований. Проект профстандарта дает подробное описание алгоритмики и инструментария сбора социологических данных, охватывает консультирование по вопросам применения результатов социологических исследований. Данный проект профстандарта обращает внимание на значимость для профессионального социолога методических, аналитических, исследовательских и коммуникативных компетенций. В числе необходимых умений документ называет выстраивание межличностного взаимодействия, перевод управленческой проблемы в исследовательскую плоскость, анализ возможности применения тех или иных социологических методов к конкретному проекту.

Проект профстандарта «Политолог» в высокой степени детализирован. В структурировании сфер профессиональной деятельности он опирается на схему, разработанную на факультете политологии МГУ. Документ характеризуется комплексностью: разработчики проекта стандарта пошли по пути включения в единый документ большей части существующих политических профессий. В проекте профстандарта «Политолог» вполне логично соотносятся уровни квалификации с заложенными в них компетенциями. Например, аналитические компетенции, компетенции в области подготовки информационных и информационно-аналитических материалов отнесены к уровню бакалавриата. В свою очередь, компетенции в области подготовки, принятия, оформления управленческих решений, а также политического консультирования отнесены к уровню магистратуры. Проект профстандарта «Политолог» делает акцент на компетенциях в области взаимодействия с органами государственной власти и управления, негосударственными и международными организациями. В данной логике профессиональная деятельность в сфере PR включается в профессию политолога в качестве одной из профессиональных ниш.

Проект профстандарта «Политолог», в отличие от других рассмотренных нами проектов, специально выделяет такие сферы занятости политологов, как преподавание и научно-исследовательская деятельность. Стандарт акцентирует внимание на том, что люди с политологическим образованием должны быть вовлечены в преподавательский процесс не только на уровне высшего, но и на уровне среднего и среднего профессионального образования. Выделение этой ниши для политологов в условиях запроса российского государства на разработку новой национальной концепции социально-гуманитарного образования весьма актуально.

Проведенный анализ показывает, что рассмотренные нами проекты стандартов заимствуют ряд компетенций из таких направлений подготовки, как «Маркетинг», «Менеджмент», «Управление кадрами». В рассмотренных документах мы видим стремление их разработчиков структурировать профессиональную деятельность, исходя из привязки к определенным организациям, к которым соответствующая деятельность отнесена в наибольшей степени. Например, в проекте профстандарта «Политолог» это СМИ, органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения, некоммерческие организации, политические партии, образовательные учреждения; в проекте профстандарта «Лоббист» – муниципальные органы власти и государственные органы власти; в проекте профстандарта «Специалист по связям с общественностью» – корпорации и агентства.

Проекты профстандартов рассматривают профессиональную подготовку политологов как прерогативу исключительно высшего образования. Подобный подход можно рассматривать как определенное упущение, связанное с тем, что профессиональная деятельность в сфере политики сознательно исключает уровень среднего профессионального образования (СПО),

который возможно использовать для подготовки специалистов ряда обеспечивающих профессий в сфере политики.

Общая проблема существующих проектов профессиональных стандартов состоит в том, что они разрабатываются в условиях отсутствия в стране устойчивой системы отношений между образовательными учреждениями и работодателями в сфере политических профессий, которая обеспечивала бы последовательное и эффективное внедрение нормативов национальной рамки квалификаций.

Для проектов профессиональных стандартов характерна установка на универсализацию той профессии, которую каждый из них стремится конституировать. Процесс стандартизации профессиональной деятельности в сфере политики на данный момент не завершен. Представляется, что причин этого несколько. Во-первых, внутри российского экспертно-политологического сообщества существуют определенные расколы. Во-вторых, система большинства профессиональных ассоциаций, обеспечивающих взаимодействие вузов и работодателей, начала формироваться относительно недавно и к настоящему моменту в полной мере не сложилась. В-третьих, существует традиционная для России проблема бюрократизации процесса разработки и внедрения профессиональных стандартов, проявляющаяся в чрезмерном уклоне в сторону шаблонных подходов к определению сфер профессиональной деятельности.

В настоящее время обсуждение проблематики, связанной с профессионализацией деятельности в сфере политики, только выходит на уровень расширенного обсуждения сообществом работодателей. Учитывая достаточно широкий спектр профессиональных ниш, в которых заняты политические специалисты, на наш взгляд, принципиально важно, чтобы свою оценку предлагаемым проектам давали организации, представляющие все основные сегменты рынка политических профессий. Ключевыми структурами-работодателями в сфере политических профессий на данном этапе следует считать прежде всего органы государственной власти, политические партии, некоммерческие организации, политические медиа, PR и GR-компании, корпорации, образовательные учреждения.

В настоящее время рынок политических профессий находится в процессе трансформации, значимую роль в которой играют новые каналы коммуникации, получающие развитие в рамках Интернета. В этих условиях представляется возможным говорить о том, что рассмотренный выше пул проектов профессиональных стандартов не окончателен и, скорее всего, будет расширяться.

Мы считаем, что на этапе формирования национальной системы профессиональных квалификаций чрезвычайно важно поддержать инициативы рассмотренных нами организаций по продвижению проектов профессиональных стандартов. На сегодняшний день уже само наличие проектов профстандартов создает возможности для проведения сообществом целенаправленной работы по повышению качества подготовки профессионалов в сфере политики, приданию ей большей практико-ориентированности и конкурентоспособности на международном уровне. Перспективы утверждения рассмотренных нами проектов связаны с множеством эндогенных и экзогенных факторов, под влиянием которых развивается современная российская политическая система.

Список литературы

Гаман-Голутвина О.В. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН // Полис. Политические исследования. – М., 2016. – № 1. – С. 8–28.

Курганов Д.М. Интервью с президентом «Национального Союза лоббистов» Д.М. Кургановым // GR-NEWS. – М., 2015. – 13 апреля. – Режим доступа: <http://gr-news.ru/2015/04/13/13052015nsl/> (Дата посещения: 15.11.2016.)

Макет профессионального стандарта «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований». – М., 2013. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/profstandart/profstandart_03_%2012.pdf (Дата обращения: 12.11.2016.)

Методический инструментарий по установлению квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы и государственным гражданским служащим. Версия 2.0 // Министерство труда и социальной защиты РФ. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/11> (Дата посещения: 01.11.2016.)

Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещений должностей государственной гражданской службы. Версия 3.0. – М., 2016. – Режим доступа: [www.rosmintrud.ru/ministry/programms/.../versiya_3_0_-_5_2_\(2\)_31.10.2016.doc](http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/.../versiya_3_0_-_5_2_(2)_31.10.2016.doc) (Дата посещения: 05.11.2016.)

Минченко Е.Н., Винокурова Е.В. Евгений Минченко: «Выборы надо выигрывать на классе, а не на адмресурсе» // Информационное агентство «Znak». – М., 2015. – 7 июля. – Режим доступа: https://www.znak.com/2015-07-07/izvestnyy_polittechnolog_o_novyh_pravilah_igry_na_rynke (Дата посещения: 10.12.2016.)

Проект профессионального стандарта «Специалист по продвижению и представлению интересов юридических лиц, социальных групп или индивидов в государственных и муниципальных органах (лоббист)» // Министерство труда и социальной защиты. – М., 2016. – Режим доступа: http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/podsystema-razrabotki-professionalnykh-standartov/upravlenie-proektami-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=61039 (Дата обращения: 25.11.2016.)

Проект профессионального стандарта специалиста по связям с общественностью // Российская ассоциация по связям с общественностью. – М., 2014. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B0MQY2BqV8swRS1TVGtNNEI4aDA/view> (Дата обращения: 28.10.2016.)

Профессиональный стандарт «Консультант по управлению». – М., 2016. – Режим доступа: http://qofm.ru/load/nomativnye_dokumenty/professionalnye_standarty/professionalnyj_standart_konsultant_po_upravleniju/10-1-0-7 (Дата обращения: 20.11.2016.)

Разработка и применение профессиональных стандартов: Словарно-справочное пособие. – М.: Перо, 2014. – 33 с. – Режим доступа: <http://profstandart.rosmintrud.ru/upload/iblock/9f7/9f7a7ecd6455e2ab2224ad494b0e52d4.pdf> (Дата обращения: 24.10.2016.)

Разработка профессионального стандарта «Политолог» // Российское общество политологов, 2015. – Режим доступа: <http://ruspolitology.ru/proecty/18226-razrabotka-professionalnogo-standarta-politolog/> (Дата обращения: 05.11.2016.)

Текст профстандарта «Специалист по взаимодействию с государственными и муниципальными органами и некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации» // GR-Лига. – М., 2016. – Режим доступа: <http://www.grliga.ru/profstandard/text/> (Дата обращения: 10.11.2016.)

Ракурс: Политика на международном и внутригосударственном уровнях

Форматы регулирования насилия в международных отношениях

*В.М. Капицын*²²

Аннотация. В статье рассматриваются форматы регулирования насилия в международных отношениях в рамках миропорядка, международного права и нормативной мировой политики. Такое выделение форматов объясняется исходя из гоббсианской, гроцианской и кантианской традиций интерпретации регуляторов насилия. Рассмотрение данных форматов поможет дополнить концепции миропорядка и международных отношений Х. Булла и С. Хоффмана за счет нормативной трактовки форматов регулирования насилия (Г. Киссинджер). С такой позиции автор анализирует вклады ученых в международные события, выявляя их соотнесение с регуляторами насилия. Отступление от применения данных регуляторов, происходившее в 1990–2000 гг., не устранило тенденции к сбалансированному мирорегулированию в форматах полицентричного миропорядка, обновленного международного права, нормативной мировой политики.

Ключевые слова: миропорядок; международное право; мировая политика; форматы регулирования насилия.

V.M. Kapitsyn

Formats of regulation of violence in international relations

Abstract. The article discusses the formats of regulation of violence in international relations in the framework of world order, international law and world politics. The choice of formats is based on the tradition of classification of violence regulators established by Hobbes, Grotius and Kant. Consideration of these formats will help to complement the concepts of world order and international relations by H. Bull and S. Hoffman with the normative interpretation of the violence regulation formats (H. Kissinger). From this position, the author analyzes the contributions of scientists to international development, revealing their correlation with the regulators of violence. Certain deviation from the application of these regulators in 1990–2000 did not disrupt the trend to a balanced global regulation in the formats of polycentric world order, renewed international law, and normative world politics.

Keywords: world order; international law; world politics; regulation formats of violence.

В спорах о полицентричном (многополярном) мире XXI в. проявилась незавершенность общей теории миропорядка и международных отношений [Баталов, 2005, с. 6]. В 2000-е годы вновь развернулась дискуссия о «новом функциональном ядре» миропорядка и его отношениях с остальным миром как проблема мирорегулирования [Шаклеина, 2012, с. 36–39]. 2010-

²² Капицын Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова, e-mail: kapizin@yandex.ru **Kapitsyn Vladimir**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: kapizin@yandex.ru

е годы, особенно после 2014 г., отмечены концептами, претендующими на вклад в общую теорию нового миропорядка [Киссинджер, 2015; «Концерт великих держав», 2014].

В статье ставится цель рассмотреть теоретические дополнения к теории международных отношений (и миропорядка) и предложить их нормативную интерпретацию. Эти дополнения восходят к проблеме насилия в международных отношениях, а именно его *форматирования и обеспечения совместимости разных форматов регулирования*. Все актуальнее становится вопрос, насколько эти форматы могут обеспечить относительную устойчивость международных отношений при полицентричном балансе сил. В качестве методов исследования использовались системный, компаративный, исторический.

Последние годы показывают, что достройка общей теории миропорядка зависит от анализа форматов регулирования насилия в международных отношениях. Работы Х. Булла и С. Хоффмана могут служить основой для такого анализа. Следует учитывать и вклад, который сделали Г. Киссинджер, З. Бжезинский, К. Уолтц, Ф. Фукуяма, Э. Баталов, А. Богатуров, Ю. Давыдов, И. Лукашук, Т. Шаклеина, М. Хрусталева, П. Цыганков и др. Формирование и развитие теории насилия, в том числе регуляторов насилия, связаны с именами Т. Гоббса, Г. Гроция, И. Канта, Ф. Ницше, М. Вебера, Ж. Сореля, Т. Адорно, М. Фуко, Н. Лумана, Д. Норта, Б. Вайнгаста, А. Гусейнова, М. Ильина, Б. Капустина, А. Никитина и др.

Без насилия не функционирует ни государство, ни международное сообщество. Ф. Беренскоттер правомерно утверждает, что мировую политику «собирают воедино отношения государства» [Berenskoetter, 2007, p. 1]. Справедливо утверждение, что политика зиждется на «отсроченном насилии» [Мартынов, 2010, с. 293], но важно подчеркнуть также нормативное и культурное содержание насилия [Капустин, 2003, с. 6]. Создание соответствующих институтов и норм способствует форматированию регуляторов насилия.

Форматы миропорядка, международного права и мировой политики

Понятие «международные отношения» отражает целостность, что помогает выявить в качестве форматов регулирования насилия *миропорядок, международное право и мировую политику*. Эти форматы мы определяем нормативно, связывая их с предложением М. Уайта и Х. Булла, выделявших гоббсианскую, гроцианскую и кантианскую традиции [Давыдов, 2003].

Гоббсианская (реалистская) традиция соотносима с образованием формата миропорядка, поскольку Т. Гоббс признавал ограничение мощи и амбиций одного государства с помощью мощи другого, что способствовало институционализации баланса сил. Так можно объяснить возникновение европейского «концерта держав» 1815 г., ядерного паритета США – Россия и других «осей» миропорядка. Потенциал прямого и косвенного насилия со стороны великих держав продолжает играть важную роль и регулируется в основном с помощью формата миропорядка.

Гроцианский («интернационалистский») подход развития международных отношений больше соотносим с форматом международного права: он наиболее подвержен правовому нормативизму, «игре по правилам», созданию пространства, где каждое государство обладает равными правами. В международном праве олицетворяется принцип ООН «одна страна – один голос» и другие принципы, нормативные соглашения, обычаи, решения судов, сдерживающие отклонения («мягкое право», «теневое право»), оговорки сторон в договорах. Этот формат сам по себе не может обеспечивать устойчивое регулирование насилия, хотя правовой идеализм существует. Тем не менее мир стремится к постоянному регулированию насилия с помощью международного права.

Кантианский подход («ценностный», или «универсалистский») мы соотносим с форматом нормативной мировой политики, которая обладает включением морального регулирования, широкой свободы и ответственности при учете ресурсов и международного контекста.

Примерно с таких позиций выступал Вудро Вильсон. Для мировой политики характерен наиболее широкий набор концептов регулирования насилия. Даже концепция «демократического мира» предполагала внедрение демократии в современном мире с помощью международного насилия со ссылками на примеры оккупации Японии и Германии [Барнет, 2004]. Доктрина Б. Клинтона была нацелена на «консолидацию победоносной демократии и открытых рыночных обществ» [Цыганков, 2012, с. 346–350]. Мировая политика тяготеет к регулированию анархичного насилия с помощью выстраивания иерархий, союзов, норм морали, согласования общих и национальных интересов, частных интересов ТНК и НПО, сдерживания дискреций (односторонних несогласованных решений) с помощью интеграции, миротворчества, согласительных средств.

Говоря об этих форматах, полезно к международным отношениям применить концепт Г. Киссинджера о «равновесии между легитимностью и властью» [Киссинджер, 2015, с. 49–50]. К регулированию властных отношений с помощью силы обращен формат мировой политики, нередко включающий неформальные соглашения, коалиции, с применением как правил «честной игры» (моральный универсализм), «мягкой силы», так и закулисных сделок и вооруженной силы. Формат международного права исходит из легитимности отношений, соответствия их определенным формальным правилам (нормам и принципам права). Но в равновесии легитимности и власти (баланса сил) особенно велико влияние установленного державами миропорядка; он создает реальные условия, когда достижимо такое равновесие.

Все форматы «треугольника» при обеспечении функциональной заданности (регулирование равновесия между легитимностью и властью) должны постоянно дополнять друг друга, что позволяет принимать оптимальные решения и склонять государства к миру и сотрудничеству. Важнейшая задача взаимодействующих форматов – не допускать чрезмерного роста силового доминирования какой-либо державы (союза государств) в ущерб общему миру.

В этом «треугольнике» связь форматов и соответствующих институциональных средств довольно изменчива. Степень подвижности этих связей различается в разные периоды времени. Начиная с Вестфальского мира, выстраивались международные отношения, опирающиеся на признание государственного суверенитета, привязку безопасности к балансу сил и ограничению масштаба насилия. Вестфаль признал полицентризм в миропорядке, отделил религиозные вопросы от политики, установил доктрину суверенного равенства, при этом не исключая войны для восстановления баланса сил и притязаний на статус великих держав, но ограничивая масштаб и интенсивность войн.

Венский конгресс 1815 г. путем согласования волей мощных государств устанавливал миропорядок, названный «европейским концертом великих держав» [«Концерт великих держав», 2014, с. 24–25]. При этом Франция после поражения Наполеона была включена в «концерт», поскольку без ее участия европейский порядок был бы менее прочным. Такой порядок дал возможность стабилизации международных отношений почти на 30 лет, а по ряду оценок – и до рубежа столетия. Одна из причин дестабилизации (Крымская война, Франко-прусская война) – стремление Великобритании и Франции найти порядок сдерживания притязаний объединяющейся под эгидой Пруссии Германии [Киссинджер, 2015, с. 27]. Тем не менее Венский порядок делал Великобританию, Россию, Австрию, Францию, Пруссию (Германию) неустраимыми элементами баланса сил. Г. Киссинджер, характеризуя роль России в целом, писал, что она «сумела не допустить установления в Европе единоличного господства какой-то одной страны, выстояв против Карла XII Шведского, Наполеона и Гитлера, тогда как ключевые континентальные элементы баланса сил оказались поверженными» [Киссинджер, 2015, с. 38]. Но для взаимосвязи трех форматов регулирования насилия еще не было достаточных условий: назревала повестка передела мира.

После Первой мировой войны в формате миропорядка возникла «трещина». Суверенитет Германии был девальвирован Версальским договором 1919 г. и результатами Париж-

ской конференции 1919–1920 гг. Из процесса укрепления миропорядка была также исключена РСФСР. На финансово-экономических конференциях Советской России (Брюссель, 1921 г., Генуя и Гаага, 1922 г.) и Германии (Генуя 1922 г.) были предъявлены жесткие требования государств-победителей и их деловых кругов [Шумилов, 2010, с. 38–42].

Г. Киссинджер считает, что западные союзники предопределили подписание Рапалльского договора, «подвергнув остракизму две крупнейшие европейские державы посредством создания пояса малых, враждебных друг другу государств, а также посредством расчленения, как Германии, так и СССР... это создавало максимум побудительных мотивов, как для Германии, так и для СССР, преодолеть идеологическую вражду и сотрудничать в деле подрыва Версаля» [Киссинджер, 1997, с. 235].

Серьезный дефект состоит в том, что Устав Лиги Наций стал составной частью Версальского договора [Рассел, Коэн, 2012]. Так дискриминационная логика Версаля оправдывалась в моральном и международно-правовом планах. Несбалансированный миропорядок повлек за собой искажение принципов международного права и оправдание дискреционных решений держав-победителей. Германия частично выполняла условия договора, достигая новых и новых уступок, однако среди немцев происходил подъем реваншистских настроений. Конференция в Локарно (1925) «была не столько умиротворением Европы, сколько определением поля новых битв» [Киссинджер, 1997, с. 245], так как фиксировала границы, признанные Германией и другими державами (на Западе). В то же время границы на Востоке Германией не признавались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.